

Алексей Лотерман
Абдул Аль-Хазред: Арабский кошмар

«Когда Заратустре было тридцать лет, оставил он свою родину, и море своей родины, и ушёл в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством неустанно десять лет.»
«Так говорил Заратустра» Фридрих Ницше

I. Легенда о Безумном арабе

Абдул Аль-Хазред (Abdul Alhazred) – средневековый арабский поэт и мистик, ему приписывают необыкновенную жизнь отшельника и безумца, постигшего самые запретные знания, которые он записал в свою книгу, ставшую известной как легендарный «Некрономикон». Кем же на самом деле был этот араб, всего лишь литературным персонажем, выдуманным писателем Говардом Лавкрафтом, или же реальной личностью, воспоминания о которой стёрлись со страниц истории? Этому и многим другим вопросам посвящена настоящая работа.

Иллюстрация Мишеля Пенсо

Впервые Лавкрафт упоминает Аль-Хазреда в рассказе «Безымянный город» (The Nameless City) 1921 года, написанном под впечатлением от сновидения, приснившегося ему после прочтения «Книги Чудес» (Books of Wonders) Лорда Дансени и статьи о мифическом городе

Ираме из «Британской энциклопедии» (Encyclopaedia Britannica).¹ Сюжет рассказа повествует о путешественнике, отыскившем в песках Аравийской пустыни древние руины Безымянного города. При виде их в его памяти возникает пророческое двустиие, авторство которого он приписывает Аль-Хазреду:

«Это было то место, что пригрезилось безумному поэту Абдул Аль-Хазреду, в ночь перед тем, как он воспел непостижимое двустиие:

То не мертво, что вечность ждёт,

И в чуждые зоны даже смерть умрёт.»²

Впервые же об арабе как авторе «Некрономикона» Лавкрафт говорит в другом своём рассказе «Гончая» (The Hound) 1922 года, написанном после посещения старого кладбища реформатской церкви в Бруклине, где в качестве памятного сувенира он отколол маленький кусочек от могильного камня 1747 года. Сюжет рассказа развивается вокруг пары декадентов, которые в поисках новизны впечатлений и потустороннего опыта опустили до разграбления могил. Так в одном из захоронений на старинном голландском кладбище, принадлежащем некогда такому же гробокопателю как они, обнаруживается необычный амулет из зелёного нефрита в форме крылатой собаки:

«Он был чужд всего искусства и литературы, о которых знают здравомыслящие и добропорядочные читатели, но мы сразу признали в нём вещь, на которую намекал в запретном «Некрономиконе» безумный араб Абдул Аль-Хазред. Жуткий символ культа трупоедов из недоступного Ленга в Центральной Азии. Слишком хорошо в нём прослеживались черты, описанные старым арабским демонологом. Черты, почерпнутые из каких-то тёмных сверхъестественных проявлений души тех, кто беспокоил и терзал мёртвых.»

Впоследствии Лавкрафт ещё не раз упоминает араба вместе с его книгой: сперва в рассказе «Празднество» (The Festival) 1923 года, где он *цитирует* «Некрономикон», затем в неоконченном³ «Потомке» (The Descendant) 1926 года, где говорит о поисках Безымянного города, после в «Зове Ктулху» (The Call of Cthulhu) того же года, где вновь использует загадочное двустиие, а в «Случае Чарльза Декстера Варда» (The Case of Charles Dexter Ward) начала 1927 года, он упоминает некую VII книгу «Некрономикона» Аль-Хазреда. И лишь после этих произведений, в письме Кларку Эштону Смиту от 27 ноября 1927 года, Лавкрафт впервые приводит краткую историю жизни араба:

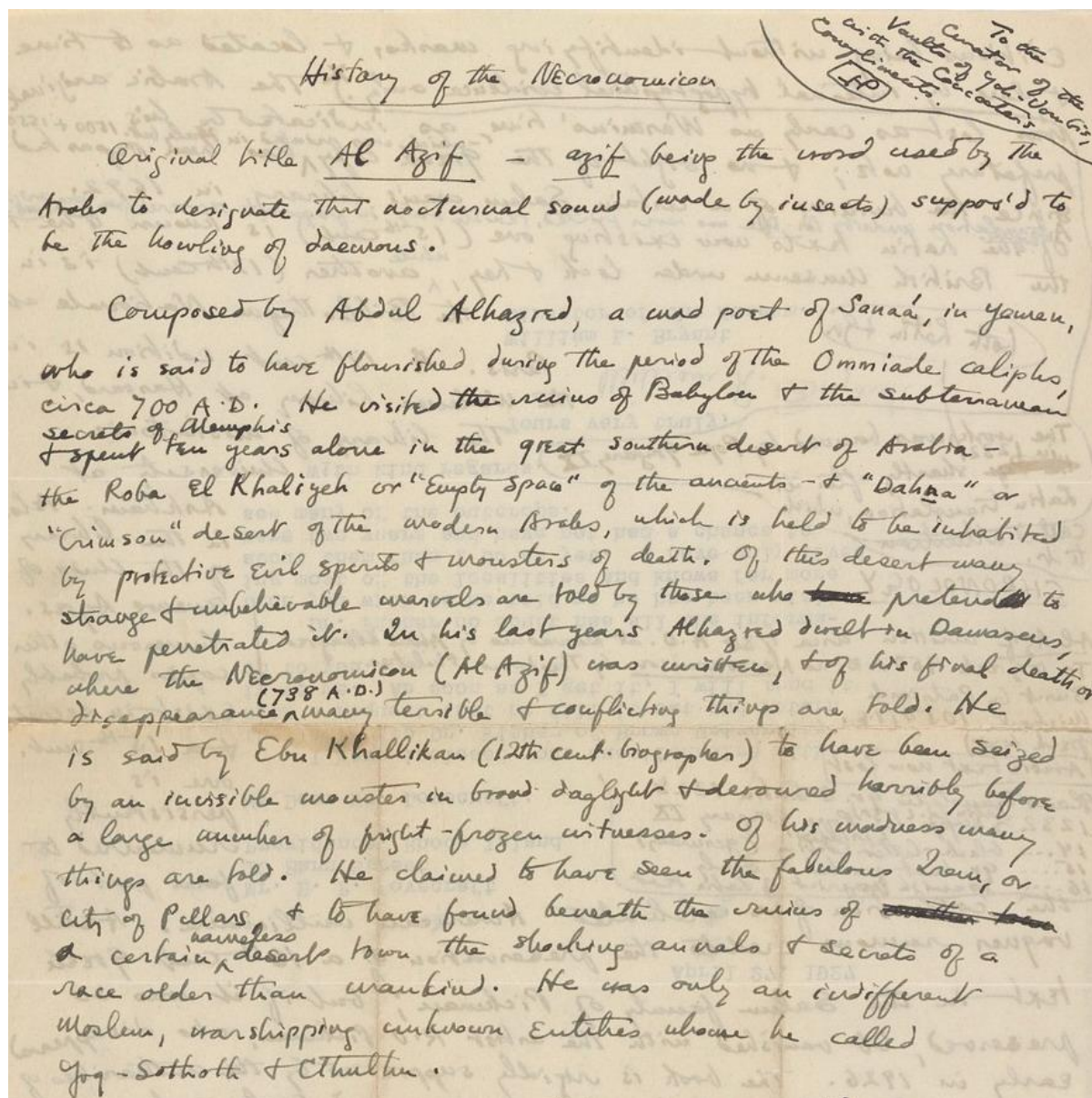
«У меня не было возможности издать новый материал осенью этого года, но я разбирал заметки и наброски для будущих страшных историй. В частности, я составил некоторые сведения о знаменитом и кощунственном «Некрономиконе» безумного араба Абдул Аль-Хазреда! Похоже, что это ужасающее богохульство было создано уроженцем Саны, что процветала в Йемене в 700 году н.э., совершившим много загадочных путешествий к руинам Вавилона, в катакомбы Мемфиса, и по дьявольским нехоженным областям великой южной пустыни Аравии – Роба Эль-Халиех, где он, как утверждал, отыскал записи о вещах старше

¹ Согласно Вильяму Фулвилеру, Лавкрафта также вдохновлял цикл романов Эдгара Берроуза о Пеллусидаре (Pellucidar), он подмечает общие для обоих писателей мотивы и сцены. Подробнее о влиянии цикла Берроуза на повесть «Хребты безумия» Лавкрафта см. статью «Омут шогготов».

² Здесь и далее, все цитируемые отрывки, за исключением некоторых, представлены в моём собственном переводе, по причине неточностей и упущений, которыми пестрят другие переводы.

³ В 1989 году рассказ был дописан Лином Картером под названием «Колокол в башне» (The Bell in the Tower).

самого человечества и узнал о поклонении Йог-Сототу и Ктулху. Книга была написана Абдулом уже в преклонном возрасте, когда он жил в Дамаске, и первоначально называлась «Аль-Азиф», словом «азиф» (см. примечания Хенли к «Ватеку»⁴) называли странные ночные звуки (насекомых), которые арабы считали воем демонов. Аль-Хазред умер или исчез при ужасающих обстоятельствах в 738 году.»

Начало рукописи «История Некрономикона» Лавкрафта, 1927 год

Позднее в том же году на основе этого наброска из-под пера Лавкрафта выходит эссе «История Некрономикона» (The History of the Necronomicon), в котором жизнеописание

⁴ Лавкрафт ссылается на примечание к английскому переводу повести Уильяма Бекфорда, в котором говорится: «...ночной звук, называемый арабами "азиф", как полагают, был воем демонов.» Само же примечание относится к следующему отрывку повести: «Правоверным мусульманам казалось, что они слышали угрюмое гудение тех ночных насекомых, которые предвещают зло, и упрашивали Ватека остерегаться и беречь свою духовную святость.» Вероятно, это также вдохновило Лавкрафта на описание голосов насекомоподобных Ми-Го в повести «Шепчущий во тьме», звучавших в ночи как жужжание и гудение. Тем не менее, Райан Паркер в своём «Аль-Азиф» критикует Хенли, и, ссылаясь на арабского поэта VIII века Аль-Асмаи, указывает источником звука вовсе не насекомых, а движущиеся под действием ветра частицы песка в пустыне. Это явление было задокументировано арабистом Сент-Джоном Филби и названо «поющими песками».

араба занимает два первых абзаца и обрастает деталями, многие из которых были почерпнуты из «Британской энциклопедии». По сути, оно может считаться первоисточником всей информации об Аль-Хазреде, а изложенная в нём версия истории основной:

«Оригинальное название «Аль-Азиф», словом “азиф” арабы обозначали ночные звуки (издаваемые насекомыми), считавшиеся воем демонов.

Составлен Абдул Аль-Хазредом, безумным поэтом из Саны, что в Йемене, которая, говорят, процветала в период правления халифов Омейядов, около 700 года н.э. Он побывал на руинах Вавилона и в тайных подземельях Мемфиса, провёл десять лет в одиночестве в великой южной пустыне – Аравии Роба Эль-Халиех, или “Пустом месте” в древности⁵, и в “Дахне”, или “Красной” пустыне у современных арабов, которая, как считалось, была под покровительством злых духов и чудовищ смерти. В этой пустыне много странных и невероятных чудес, о которых рассказывают те, кто якобы бывал там. В последние годы своей жизни Аль-Хазред поселился в Дамаске, где написал «Некрономикон» (Аль-Азиф) и погиб или исчез (в 738 году н.э.), о чём сообщают страшные и противоречивые вещи.

Согласно Ибн Халликану (биографу XII века), он был схвачен невидимым чудовищем средь бела дня и пожран перед застывшими в ужасе людьми. Многие говорили о его безумии. Он утверждал, что видел легендарный Ирем, или Город Столпов, и отыскал под развалинами некоего безымянного города в пустыне ужасающие летописи и секреты расы, что старше человечества. Он был равнодушен к мусульманству и поклонялся неизвестным сущностям, которых именовал Йог-Сотот и Ктулху.»

Несмотря на всю значимость этого эссе, его черновик был написан Лавкрафтом поверх старого письма⁶ и предназначался скорее для распространения среди коллег по перу, нежели для публикации, которая состоялась уже после его смерти. Однако ещё при жизни Лавкрафт никак не развивал и не использовал описанный им образ Аль-Хазреда в полной мере. Так, в «Ужасе Данвича» (The Dunwich Horror) 1928 года он приводит ещё одну *цитату* из «Некрономикона», но впоследствии ограничивается лишь краткими ссылками на араба и упоминаемые в связи с ним места или существ, которые можно встретить в «Шепчущем во тьме» (The Whisperer in Darkness) 1930 года, «Хребтах безумия» (At the Mountains of Madness) 1931 года, «Снах в Ведьмином доме» (The Dreams in the Witch-House) 1932 года, «Нечто на пороге» (The Thing on the Doorstep) 1933 года, и в «Тени из безвременья» (The Shadow Out of Time) 1934-35 годов. А также в нескольких соавторских работах: «Последнем опыте» (The Last Test), переработанном в 1927 году по просьбе Адольфа Де Кастро, во «Вне времён» (Out of the Aeons), написанном в 1933 году совместно с Хейзл Хилд, и в рассказе «Врата Серебряного Ключа» (Through the Gates of the Silver Key), написанном в соавторстве с Эдгаром Хоффманом Прайсом в 1933 году.

После смерти писателя в 1937 году, эту эстафету подхватил его друг Август Дерлет, периодически упоминая Аль-Хазреда и «Некрономикон» в произведениях дописанных им по многочисленным заметкам Лавкрафта, а потому условно считающихся соавторскими: в

⁵ В оригинале Лавкрафт пишет “Roba el Khaliyeh”, вместо принятого сегодня “Rub al Khali”, и “Empty Space” вместо “Empty quarter”, хотя его “пустое место”, т.е. пустыня, гораздо ближе по значению к первоначальному “Rab Alkhali” (khali-пустая, gab-земля), которое позднее из-за сходства двух арабских слов превратилось в “Rub Alkhali” (khali-пустая, rub-четверть), хотя эта пустыня, действительно, занимает почти четверть полуострова.

⁶ Если быть точным, то это адресованное Лавкрафту отпечатанное на машинке письмо Уильяма Л.Бранта, директора Паркового музея Роджера Уильямса в Провиденсе, датированное 27 апреля 1927 года.

«Притаившемся у порога» (The Lurker at the Threshold) 1945 года, «Окне в мансарде» (The gable window) 1957 года, «Тени из космоса» (The Shadow Out Of Space) того же года, и в «Ведьминой лошине» (Witches' Hollow) 1962 года. А также в своих собственных работах: «Возвращении Хастура» (The Return of Hastur) 1939 года, «Сделке Сэндвина» (The Sandwin Compact) 1940 года, «За порогом» (Beyond the Threshold) 1941 года, «Обитающем во мраке» (The Dweller in Darkness) 1944 года, «Доме на Карвен-стрит» (The House on Curwen Street) того же года, «Следящем с небес» (The Watcher from the Sky) 1945 года, «Ущелье близ Салапунко» (The Gorge beyond Salapunco) 1949 года, и в «Печати Р'лиеха» (The Seal of R'lyeh) 1958 года. Но во всех этих произведениях упоминания носят незначительный эпизодический характер, за исключением двух.

Первый из них рассказ «Лампа Аль-Хазреда» (The Lamp of Alhazred), написанный Дерлетом в 1957 году. Он повествует о мечтательном Варде Филлипсе, получившем в наследство от своего таинственно исчезнувшего деда Уиппла богатую библиотеку в доме на Энджелл-стрит, а также старинную масляную лампу, которую тот называл самым бесценным сокровищем, приносящим блаженство и ужас:

«...лампа возникла из гробницы в Аравии, ещё на заре истории. Когда-то она принадлежала полубезумному арабу, известному как Абдул Аль-Хазред, и была изготовлена легендарным племенем Ад – одним из четырёх таинственных и малоизвестных племён Аравии, из которых Ад был на юге, Самуд на севере, Тасм и Джадис в центре полуострова. Ещё давно она была найдена в скрытом городе под названием Ирем, Городе Столпов, который воздвиг Шедад – последний из правителей Ад, и который был известен одним как Безымянный город, расположенный в области Хадраманта, а другие считали его погребённым под постоянно движущимися песками аравийской пустыни и невидимым для обычного глаза, но иногда открывающимся избранникам Пророка.»⁷

Когда же почистив и заправив маслом, Вард зажигает лампу, то в её свете возникают необычные видения далёких миров. Они вселяют в него вдохновение, возвращают к позабытым мечтаниям и являют образы счастливой поры его собственного детства, искушая переступить зыбкую границу мира серой обыденности, чтобы отправиться в путешествие по далёким фантастическим местам и вновь пережить “чудесное время, когда мир был молодым”. В основу этого рассказа легли воспоминания и сожаления Лавкрафта о безвозвратно ушедших годах его детства, проведённых в дедовском доме на Энджелл-стрит с самой большой в Провиденсе библиотекой, к которым он всегда относился с особой теплотой. Что же касается фантастической составляющей сюжета рассказа, то её мотивы можно обнаружить как в VI сонете «Лампа» (The Lamp) из цикла «Грибов с Юггота» (Fungi from Yuggoth) 1929 года, так и в заметке под номером 146 в «Тетради для творческих заметок» (The Commonplace) Лавкрафта, сделанной в 1926 году и гласящей:

«Древняя лампа найдена в гробнице – когда наполнена и использована, её свет открывает странный мир».

В другом рассказе под названием «Хранитель ключа» (The Keeper of the Key), написанном в 1951 году и входящем в цикл о профессоре Лабане Шрусбери (Laban Shrewsbury), Дерлет

⁷ Здесь Дерлет практически воспроизводит заметку 47 из «Тетради для творческих заметок» Лавкрафта от 1919 года, в том числе используя написание “Hadramant”, вместо принятого “Nadhrumant”.

предпринял своеобразную попытку дополнить историю Аль-Хазреда. Главные герои рассказа профессор Шрусбери и его ассистент Нейланд Колум отправляются в путешествие по Аравийской пустыне на поиски всё того же Безымянного города. В его подземельях они находят массивную бронзовую дверь, на которой начертано по-арабски:

«Тот, кто приходил, был возвращён. Тот, кто увидел, был ослеплён. Тот, кто постиг тайны, умолк. Здесь он будет обретаться вечно, ни во тьме, ни в свете. Пусть не тревожимый никем.»

Эта эпитафия, по мнению профессора, посвящена не кому иному, как Аль-Хазреду, чья гробница и обнаруживается за дверью. Проведя особый ритуал, герои узнают у поднятого из праха араба о спрятанной им в стене склепа рукописи «Аль-Азиф», и, заполучив её, спасаются бегством от призрачных стражей Безымянного города. Однако если Дерлет старался всё же не слишком отдаляться от заданных Лавкрафтом канонов, то другие авторы оказались менее принципиальны. Так, писатель Лин Картер в своём заурядном рассказе «Гибель Яктуба» (The Doom of Yakthoob) 1971 года, приводит текст якобы малоизвестной части «Некрономикона» под названием «Первая повесть», описывающей юношеские годы Аль-Хазреда, прошедшие в ученичестве у сарацинского мага Яктуба⁸ вместе с другим его послушником по имени Ибн Газул⁹:

«По воле Учителя мы изучали призывы Существ Зла, беседовали с гулями в скальных склепах Нэба, и даже присутствовали на безымянных Празднествах Нитокрис в отвратительных гробницах под Великой Пирамидой. Мы прошли по потаённым ступеням, чтобы поклониться Тому, кто пребывает в чёрных катакомбах под древними руинами населённого гулями Мемфиса, а в тлетворных пещерах Нефрен-Ка, что в Долине Хадота близ Нила, мы проводили столь богохульные обряды, что даже сейчас моя душа содрогается при воспоминаниях об этом.»

Ученики убеждают Яктуба провести опасный ритуал призыва великого Князя Бездны, и, поддавшись на уговоры, он отсылает Ибн Газула с золотом к вавилонскому Некроманту, владеющему особым эликсиром из ихора, который необходим для ритуала. Вернувшись с эликсиром, все трое отправляются в пещеры потаённого Хадота, где совершают ритуал и призывают ужасное существо:

«...великое Нечто возникло, затмевая звёзды. Алое, влажное и блестящее, словно кто-то содрал с Существа кожу, с глазами подобными Чёрным Звёздам. Оно источало обжигающий холод, как дующий меж звёзд тёмный ветер, и зловоние Бездны.»

Однако эликсир, преподнесённый в дар чудовищу, к ужасу Яктуба оказывается обычным вином, подменённым Ибн Газулом, который растратил всё доверенное ему золото на плотские утехы. Тогда разгневанное существо хватает Яктуба своими когтями и терзает, а затем пожирает его плоть и душу:

«Некоторое время несчастный Яктуб пронзительно кричал и метался в Когтях, но потом затих и обмяк, почерневший и иссохший, а хохочущее Существо стало разрывать его, пока

⁸ Имя, вероятно, происходит от арабского Якуб (Yaqub), что значит “преследовать” или “наказывать”.

⁹ Возможно имя Ибн Газул (Ibn Ghazoul) образовано от названия порошка материализации Ибн Гази (Ibn Ghazi), упоминаемого Лавкрафтом в «Ужасе Данвича».

не пожрало истерзанный дух Яктуба, наполнив мои сны отвратительными кошмарами на последующие двадцать лет...»

Так «Гибель Яктуба» открывает целый сборник Картера «Некрономикон: Перевод Ди» (The Necronomicon: The Dee Translation) 1989 года, состоящий из связанных между собой историй, а также описаний мест, существ и ритуалов, сделанных на основе творчества Лавкрафта. Относительно схожей композицией обладает книга писателя и оккультиста Дональда Тайсона «Некрономикон: Странствия Аль-Хазреда» (Necronomicon: The Wanderings of Alhazred), написанная в 2004 году. В ней Тайсону удалось создать довольно подробное повествование о жизни и странствиях Аль-Хазреда, включив в него множество мифов и легенд, описаний обрядов, артефактов, и Древних богов Лавкрафта. Он также позволил себе вольности в трактовке каноничной истории араба, сохранив при этом лишь основные даты и эпизоды:

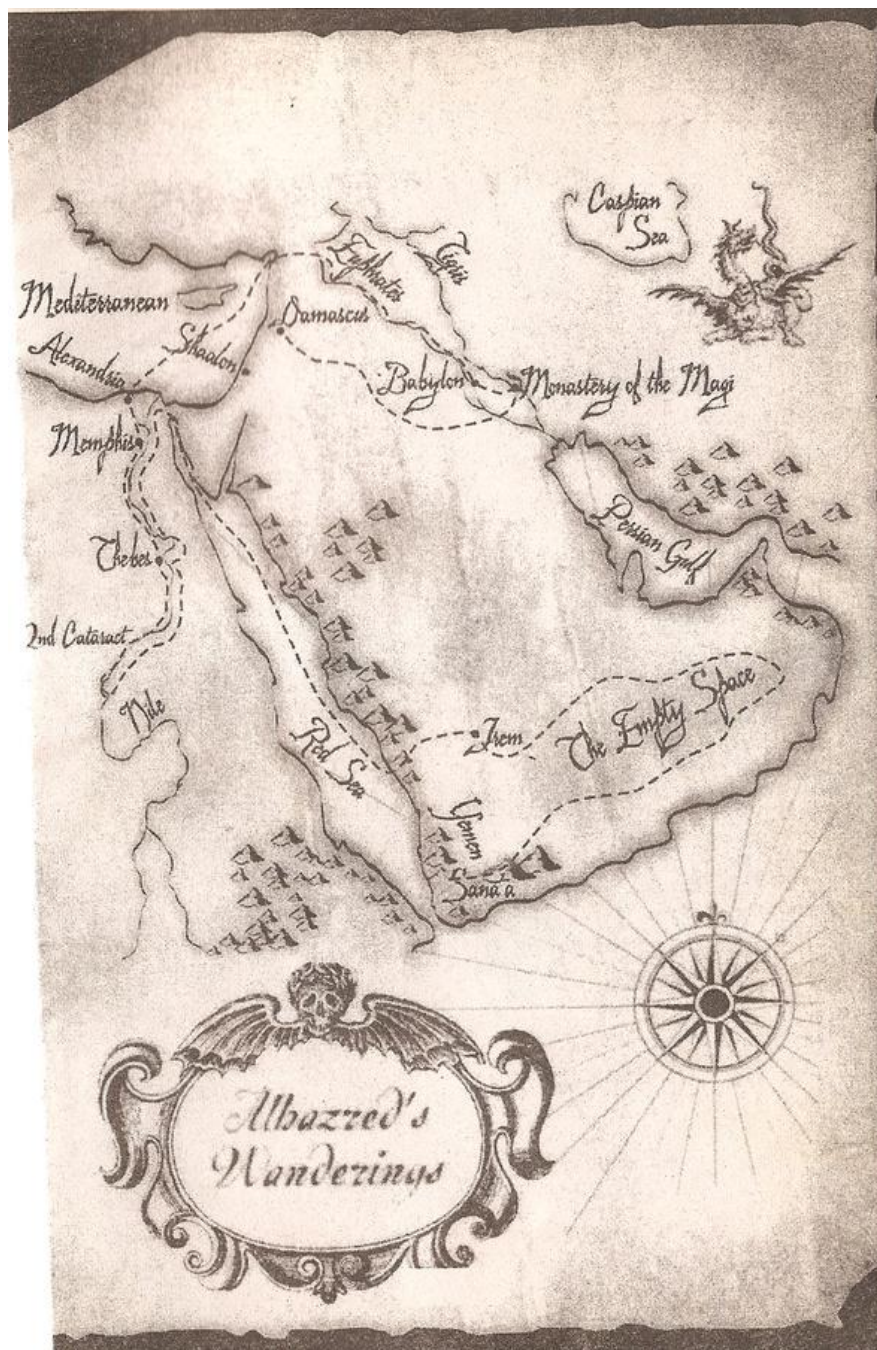
«Создатель этой книги, которой я даю греческое название «Некрономикон», как более точно отражающее её содержание, чем оригинальное, родился в скромном доме в городе Сана, на земле Йемена. Его фамилия была утрачена, но он широко известен под именем Абдул Аль-Хазред, означающем на арабском языке “Слуга Пожирателя”. Дата его рождения неизвестна, но его смерть, как говорят, наступила в 738-ой год Господа нашего, когда он был уже глубоким старцем.»

В отличие от Картера, Тайсон описывает юность араба иначе. Согласно ему, тот обладал невероятно красивым голосом, благодаря чему снискал милость правителя Йемена, призвавшего двенадцатилетнего юношу ко двору, чтобы наслаждаться его поэзией и воспитывать как собственного сына. В возрасте восемнадцати лет Аль-Хазред влюбился в одну из его дочерей, которая зачала от него ребёнка. Узнав об этом, правитель Йемена приказал задушить новорождённого и сжечь, заставив араба вкусить его плоти, отчего тот обезумел.¹⁰ Затем ему отрезали нос и уши, исполосовали щёки и, оскопив, изгнали в Руб Аль-Хали, считая, что там он и погибнет. Но араб выжил, населявшие пустыню “духи тьмы” показали ему заброшенные пещеры и колодцы, где он нашёл спасение, а после стал скитаться, в надежде излечить свои увечья и с триумфом вернуться в Йемен к возлюбленной. Он побывал в Гизе, где постиг секреты тайного культа некромантов, в Халдее в совершенстве овладел искусством астрологии, а в Александрии получил знания о забытых языках. Однако араб так и не сумел найти то, что могло бы исцелить его, и после долгих скитаний поселился в Дамаске, где продолжил свои магические изыскания, наводя ужас на его жителей:

«Во время своей жизни в Дамаске он написал труд, который, в порыве безумства, назвал «Аль-Азиф» – стрёкот насекомых или жужжание жуков. Тем не менее, из-за своего содержания книга стала более известна как “вой демонов”, за который обычные люди принимали ночные звуки пустыни и считали их криками духов. Работа была написана во время его последнего десятилетия жизни в Дамаске, около 730 года Господа нашего. Обстоятельства его смерти представляются такими же странными, малоизвестными и невероятными, как и его жизнь. Говорят, что в один прекрасный день, когда он покупал

¹⁰ Этот мотив, как причину безумия Аль-Хазреда, Тайсон мог почерпнуть из рассказа Д.Р.Смита «Почему Абдул Аль-Хазред сошёл с ума» (Why Abdul Al Hazred Went Mad) 1950 года. В нём, отвечая на вынесенный в название вопрос, повествуется о римлянина Марке Антонии, победившем и вкусившем плоти одного из самых могущественных Древних, и намечается на некое схожее действо, совершённое Аль-Хазредом.

вино на рыночной площади, Аль-Хазред был поднят в воздух каким-то невидимым существом огромных размеров и силы, его голова, руки и ноги были оторваны от туловища и пожраны так, что всё его тело исчезло по частям, оставив лишь брызги крови на песке. И его собственная плоть стала последним подношением тёмным богам, которым он поклонялся.»

«Путешествия Аль-Хазреда», иллюстрация Дональда Тайсона

Другая работа, предшествовавшая Тайсону и известная как «Некрономикон» Саймона¹¹ (The Simon Necronomicon) 1977 года, основана на дошедших до наших дней клинописных текстах мифов, заклинаний и ритуалов древней Месопотамии. Согласно ей, в юности Аль-Хазред

¹¹ В другом прочтении “Симон”, возможно от имени Симона Волхва, греческого основателя гностической секты симониан, само же имя происходит от библейского “Шимон”, что значит “услышанный”. Считается, что под этим псевдонимом скрывается оккультист и писатель Питер Левенда, хотя сам он это и отрицает.

был сыном пастуха и жил в деревне Бет Дурраба.¹² Однажды, путешествуя по горам Масшу, он набрёл на большой камень, высотой в человеческий рост и шириной с быка, на котором были выбиты три таинственных знака. Разведя у его подножия костёр, араб остался возле камня на ночь, но незадолго до рассвета был разбужен воем волка и голосами людей. К своему ужасу Аль-Хазред обнаружил, что огромный серый камень парил над землёй, а вырезанные на нём символы пылали, словно угли костра. Напуганный этим, араб поспешил скрыться в высокой траве, откуда ему было видно процессию людей в чёрных одеждах. Подойдя к камню и распевая какое-то заклинание, они принялись резать себя острыми кинжалами, но куда ужасней оказалось то, что появилось вслед за этим:

«Под парящей скалой, где она прежде стояла, из-под земли возник хвост змеи. Эта змея была больше всех тех, что я, когда либо, видел. Самая тонкая её часть была толщиной в две мужские руки, и когда она поднялась над землёй, за ней последовала другая, хотя ещё первой не было видно конца, и она уходила глубоко в яму. За ними появились ещё, и земля задрожала под натиском множества огромных щупалец.»

Притаившегося наблюдателя выдал его же испуганный крик, Аль-Хазред бросился прочь, преследуемый людьми в чёрных одеждах, но, споткнувшись, упал на землю и уже приготовился к нападению, когда обнаружил, что от преследователей остались лишь их одежды и лужи зловонной маслянистой слизи. Тогда араб возвратился к месту своего бегства, попутно натываясь на такие же отвратительные останки участников процессии. Большой камень вновь стоял на земле, а в потухшем костре лежала серебряная пластина, покрытая тайными знаками:

«Моя голова начала болеть, как будто дьявол раскалывал мне череп, и когда лунный луч упал на металлический амулет (ибо теперь я знаю, что это было), голос вошёл в мою голову и поведал мне о тайнах увиденного, что звалось одним словом – Кутулу¹³.

В тот момент я понял, что так яростно нашептывалось мне в уши.

Эти знаки, вырезанные на сером камне, служили Вратами во Вне.»

Три символа Масшу, иллюстрация Саймона

После этого, в течение семи лет Аль-Хазред странствовал в поисках знаний, пока некий “учёный человек” не позволил ему прочесть древние записи, в которых содержались тайны некромантии, колдовства и алхимии. Из них он узнал заклинания, вызывающие болезни,

¹² Некоторые исследователи переводят название “Bet Durrabia” как “Дом где пребывает жизнь”, хотя и затрудняются указать на какое-то конкретное поселение. Однако, учитывая местоположение гор Масшу (Masshu) на востоке Верхней Месопотамии рядом с хребтом Восточного Тавра, можно предположить, что поселение находилось на юге современной Турции. Также название близко по звучанию к Дуриа (Duria) – деревне на севере Ирака, упоминаемой в «Аль-Азиф» (Al-Azif) Де Кампа и Дж.Сайзерса 1973 года. Всё это указывает на вполне определённое месторасположение деревни араба на границе Сирии и Турции.

¹³ Схожее имя можно встретить в вавилоно-аккадском эпосе «Энума элиш», а также в качестве одного из верховных божеств древнесирийского города Эбла. Но Саймон под ним подразумевает, конечно же, Ктулху.

безумие и даже смерть, о различных демонах и злых божествах, а также легенды о Древнейших. Со временем, овладев и другими знаниями, заклинаниями и ритуалами, Аль-Хазред записал их в свою книгу, ставшую могущественным оберегом от преследовавших его злых сил. Но даже она не могла защитить араба от того, что ждало его, и в конце книги он приводит предзнаменования своей страшной гибели:

«И даже сейчас я слышу вой волков в горах, как и в ту роковую ночь, и они называют моё имя, а также имена других. Я боюсь за свою плоть, но больше я боюсь за свой дух.

[...]

Звёзды меркнут на своих местах, и луна тускнеет предо мной, как будто пелена закрыла её сияние. Собаколикие демоны подбираются и окружают моё святилище. Странные линии проявляются на двери и стенах, и свет из окон становится всё более тусклым.

Поднимается ветер. Тёмные воды волнуются.»

Другая, в чём-то схожая с Саймоном и столь же отличающаяся от первоначальной версии Лавкрафта, история Аль-Хазреда приводится в «*Grimoirium Imperium*». Написанный Филом Легардом в 1999 году, он преподносится как английский перевод некоего старинного манускрипта, выполненный Джоном Ди¹⁴ в период между 1581 и 1601 годами. Несмотря на то, что напрямую с «Некрономиконом» этот текст не связывается, он повествует об Аль-Хазреде, а его ритуалы обращены к “Древним Духам” (Old Spirits), некоторые из которых носят искажённые имена Древних Лавкрафта. Так, пробудившись однажды утром, араб обнаружил, что мир изменился – небо потемнело, грохотало голосами злых духов, и сама жизнь была пленена ими. Среди этого рокота он услышал странный зов и последовал за ним в пустыню, где на утро шестого дня отыскал его источник:

«Человек был полностью чёрен, как лицом, так и одеждой, и он приветствовал меня на моём языке и по имени. Человек назвал мне и своё, имя его Эбонор, и был он демоном. Эбонор был тем, кто издавал зов, и я ещё не знал, что он не просто младший демон, истязаящий немощных, но посланник самых злых духов, зовущихся Древними Духами, которых даже могущественнейший чародей Божий не может подчинить.»

Этот вестник даровал Аль-Хазреду способность понимать все языки и письмена, в том числе звуки животных, птиц и насекомых, а также невидимых духов. Обезумев после бессонных ночей, на протяжении которых араб был вынужден слушать голоса окружавших его существ, находя спасение лишь среди мёртвых, он отправился обратно в пустыню в надежде отыскать Эбонора, чтобы тот избавил его от проклятого дара. Но вместо этого, явившись вновь, он пообещал наделить араба ещё большим знанием:

«Он взял меня за руку и повёл под холодные пески пустыни, где мы прошли множество шагов, которые никогда не совершал человек, пока не добрались до потаённой двери. “Здесь ты найдёшь абсолютные истины, но познаешь лишь немногие” – сказал мне демон, открыв дверь. Затем я снова услышал зов, раздавшийся из проёма двери, но на этот раз он был в тысячу раз сильнее, и, взяв за руку, Эбонор потянул меня через предел. За дверью я увидел, все невыразимые знания, но лишь немногие смог постичь.»

¹⁴ Английский философ, астролог, математик и криптограф, живший в 1527-1609 годах. Лавкрафт приписывает ему авторство английского перевода «Некрономикона», который фигурирует в рассказе «Ужас Данвича».

Там за Гранью Аль-Хазред узнал об ужасных Древних Духах, явившихся на Землю извне и изгнанных с неё после появления человека. Всех, кроме Ньярлатхотепа, их посланника и тёмного духа Египта, одним из воплощений которого был сам Эбонор. Он вернул араба в пустыню, сардонически насмехаясь над примитивным человеческим разумом и предрекая возвращение тех, кто ушёл. Оставшись один и утомлённый путешествием, Аль-Хазред решил отдохнуть, а пробудившись, обнаружил в своих руках книгу, содержащую имена многоликого Ньярлатхотепа. Для изучения книги и путей Древних Духов араб покинул родную деревню, и после долгих скитаний оказался в руинах пещерного города Убара:

«В одиночестве я мог практиковать своё искусство и многое узнал от личин Ньярлатхотепа, я даже осмелился призвать некоторых из Древних Духов, что принесло серьёзные последствия, поскольку я не был готов к тем разрушениям, которые они принесут, ведь никакой круг не может сдержать их. Я также записал всё, что узнал и что можно было записать, чтобы передать эти знания и они не были бы утеряны снова.»

Наконец последний, заслуживающий внимания источник сведений об Аль-Хазреде, «Текст Р'лиех» (The R'Lyeh Text) 1993 года, расшифрованный и аннотированный Робертом Тёрнером. Согласно приписке в конце текста, он является второй частью «Некрономикона: Книги мёртвых имён» (The Necronomicon: The Book of Dead Names)¹⁵ под редакцией Джорджа Хэя, изданной ранее в 1978 году и соавтором которой, среди прочих, был сам Тёрнер. Без какой либо предыстории о жизни и путешествиях Аль-Хазреда, в нём описывается огромное подземелье под неким забытым городом. В полусознательном бреду араб блуждал по этому лабиринту с базальтовыми колоннами и странными морёными обелисками, покрытыми ужасными образами и загадочными символами, вырезанными нечеловеческой рукой, пока не набрёл на дверь:

«Тогда, словно пробудившись от сна Наркея, я узрел дверь, преграждавшую мой путь. Их Знак был на ней. Знак, который я видел в могильных пещерах Ленга, среди столпов Ирема и на идолах в криптах Изнавора. Я задрожал, когда увидел как извивается тёмная резьба, покрывавшая утомлённый камень подобно тысяче отвратительных змей, бросающихся друг на друга, как будто в схватке, а иногда сливавшихся, образуя существ тошнотворной формы, чтобы затем снова разделиться на тёмные витиеватые змееподобные символы.»

Дверь распахнулась сама собой и в пустоте за ней, среди странных звёзд, Аль-Хазред увидел движение больших тёмных форм. С громовым рёвом звёзды закружились в большом водовороте и втянули его в чёрную бездну, словно подхваченный бурей лист:

«Подобно стенанию сильного ветра, страшные голоса проникли в мои уши, криком тысяч терзаемых душ. Запретные имена Йог-Сотота, Ктулху, Ньярлатхотепа и сотни других обожгли мой мозг как ядовитая желчь. Их умы вошли в моё существо, и я узнал о богохульных вещах невообразимых для смертного, о существовании мира вне нашего времени и мироздания, где слепой демон-султан Азатот пребывает в Хаосе, в бесчисленных зонах вечности.»

¹⁵ Русскоязычным читателям известен главным образом под названием «Некрономикон Уилсона», что не совсем верно, правильное было бы назвать его «Некрономиконом Хэя». Другое название «Liber Logaeth», по аналогии с зашифрованным манускриптом Джона Ди, результатом дешифровки которого он якобы и является.

Очнувшись на рассвете, среди тихих песков Красной пустыни, араб отправился на север в Дамаск, где начал писать свою книгу. В конце «Текста Р'лиех», как и в «Некрономиконе» Саймона, Аль-Хазред говорит о преследующих его крылатых существах и оберегающем от них Тройном лунном талисмани, а также приводит предсказание Оракула Йебсу (Oracle of Yebsu), предрекающее его гибель когда день обратится в ночь:

«В течение девяти дней, когда Солнце соединится с Луной, моя судьба будет предрешена. Когда в полдень наступит тьма и ветер поднимет пески, меня больше не будет.»

Как можно видеть, все вышеприведённые версии жизнеописания Аль-Хазреда возникли в разное время, но уже после смерти Лавкрафта и публикации в 1938 году его «Истории Некрономикона», что объясняет общие эпизоды и схожие детали в них, однако же, все они являются не просто поочерёдными заимствованиями различных авторов, а отдельными частями единой картины. Поэтому в дальнейшем, при реконструкции истории араба, именно версия Лавкрафта будет рассматриваться как основная, а остальные в качестве вспомогательных.

II. Онимы и псевдонимы

Как же, согласно самому Лавкрафту, возник образ Аль-Хазреда, несмотря на кропотливую проработку так и не ставшего полноценным персонажем его творчества, но, возможно, бывшего для него чем-то большим? «История Некрономикона» единственная работа писателя, где рассказывается о жизни араба, однако о том, как он был придуман, Лавкрафт впервые сообщает в эссе «Исповедь неверующего» (A Confession of Unfaith) 1922 года: *«В течение нескольких последующих лет я добавил к своим сверхъестественным познаниям «Сказки Гримм» и «Арабские ночи»; поэтому к пяти годам у меня появился небольшой выбор между этими умозрениями, касавшимися действительности, и «Арабские ночи» я счёл более привлекательными. Тогда же я собрал детскую коллекцию восточной керамики и предметов искусства, объявил себя правоверным мусульманином и принял псевдоним “Абдул Аль-Хазред”».*

Позднее, в 1933 году он описывает схожие обстоятельства в своей «Автобиографии: Некоторые заметки о ничтожестве» (Autobiography: Some Notes on a Nonentity), где связывает появление имени араба с советом некоего “добродушного старца”:

«Когда мне было три или меньше, я с жадностью вслушивался в обычные детские сказки, и «Сказки Гримм» были среди первых вещей, что я прочёл в возрасте четырёх лет. Когда же мне было пять, меня увлекли «Арабские ночи», и я проводил часы, играя в араба и называя себя “Абдул Аль-Хазред”, которого один добродушный старец предложил мне в качестве типичного сарацинского имени. Лишь много лет спустя я решил поместить Абдула в восьмой век, и приписать ему страшный и нечестивый «Некрономикон»!»

Дополнительную информацию по тому же вопросу можно почерпнуть и из личной переписки Лавкрафта, частично опубликованной после его смерти Дерлетом¹⁶, где, впрочем,

¹⁶ Общее количество писем Лавкрафта, по оценкам Де Кампа, доходило до ста тысяч, из них на сегодня сохранилось всего двадцать тысяч, в пятитомный же сборник Дерлета «Избранные письма Г.Ф.Лавкрафта» (Selected Letters of H.P.Lovecraft) вошло около 930 писем. Некоторые из оставшихся писем можно увидеть также в других сборниках, к примеру в «Письмах Лавкрафта Роберту Блоху и прочим» (H.P.Lovecraft: Letters to Robert Bloch and Others) Дэвида Шульца и С.Т.Джоши 2015 года.

он придерживается той же истории. Так, ещё в письме Фрэнку Белкнапу Лонгу от 26 января 1921 года, говоря о своём новом рассказе «Безымянный город», Лавкрафт пишет:
«Безумный араб Аль-Хазред вымышленная личность. Приписанное ему двустишие сочинено мною специально для этого рассказа, а “Абдул Аль-Хазред” это псевдоним, который я взял себе в пятилетнем возрасте, когда был без ума от «Тысяча и одной ночи»».

В другом письме Бернарду Остину Двайеру от 3 марта 1927 года, Лавкрафт вновь говорит о своём детском увлечении сказками «Книги тысяча и одной ночи», повторяя сказанное в «Исповеди неверующего»:

«В детстве я сильно увлёкся сказками, от братьев Гримм (с которыми познакомился в возрасте четырёх лет и которые ввели меня в мир литературы) до «Арабских ночей», которые я прочёл в пять и настолько проникся ими, что сразу взял псевдоним “Абдул Аль-Хазред” и уговорил мать сделать восточный уголок в моей комнате из портьер и кадилъниц с благовониями. Потом, ещё через год, я познакомился с греческими мифами и отбросил Багдад в пользу Аркадии и Ионии.»

И всё та же история не изменилась десятилетие спустя в письме адресованном Гарри О.Фишеру от февраля 1937 года, в котором, как и в своей автобиографии, Лавкрафт связывает появление имени араба с чьим-то советом:

«Имя “Абдул Аль-Хазред” придумал для меня кто-то из взрослых (я не могу вспомнить кто), когда мне было пять лет и я хотел быть арабом после того как прочитал «Арабские ночи». Годы спустя я решил, что было бы интересно использовать его в качестве имени автора запретной книги.»

Однако память Лавкрафта была всё же не так плоха, как он утверждает, ведь ещё в письме Роберту Говарду от 16 января 1932 года он сделал существенную оговорку в отношении того самого “добродушного старца”:

«Я не могу вспомнить, откуда взялся Абдул Аль-Хазред. Есть смутное воспоминание, которое связывает его с неким старцем – семейным адвокатом, как это бывает, но я не помню, просил ли его придумать арабское имя для меня или просто покритиковать сделанный мною выбор.»

Так, согласно книге С.Т.Джоши «Жизнь Г.Ф.Лавкрафта» (H.P.Lovecraft: A Life) 1996 года, этим адвокатом был Альберт Бейкер¹⁷, выступавший попечителем Лавкрафта и его отца Уинфилда Скотта. Именно он сыграл ключевую роль в появлении имени Аль-Хазреда, но что легло в его основу? На этот вопрос постарался ответить Лайон Спрег Де Камп в «Биографии Лавкрафта» (Lovecraft: a Biography) 1975 года:

«Кто-то из родственников в шутку предложил, чтобы он назвался псевдоарабским именем Абдул Аль-Хазред. Он так и поступил, и более того, позже использовал его в своих произведениях. Вероятно, имя Аль-Хазред произошло от Хазард¹⁸, фамилии старой семьи Род-Айленда, связанной с Филлипсами.»

¹⁷ В «Архивах Некрономикона» Хармс упоминает его как Альфреда Бейкера, хотя и ссылается на Джоши.

¹⁸ Примечательно, что англ. “hazard” – “опасность” или “риск”, происходит от фр. “hasard” с тем же значением (отсюда же русское “газарт” или “азарт”), которое, в свою очередь, от арабского “al-zahr” – “игральная кость”.

Энтони Персола, обращаясь к этому предположению Де Кампа в своём «Словаре Лавкрафта» (The Lovecraft Lexicon) 2005 года, приводит также и другое, взятое из книги Даниэля Хармса и Джона Уисдома Гонса III «Архивы Некрономикона: Истина за легендой Лавкрафта» (Necronomicon Files: The Truth Behind Lovecraft's Legend) 1998 года. Согласно ему имя Аль-Хазред является игрой слов, образованной от английской фразы “all has read”, что можно перевести как “всё прочитано” или “читающий”, подчёркивающей ненасытную жажду Лавкрафта к чтению:

«...хотя, возможно, это игра слов от “all-has-read” для любящего книги маленького мальчика.»

Так или иначе, но обе эти версии имеют полное право на существование в свете увлечения Лавкрафта разного рода псевдонимами и анаграммами, которые он использовал в своём творчестве, литературной и журналистской деятельности. Наиболее показательна в этом плане его работа под названием «Ибид» (Ibid), высмеивающая недалёких читателей ошибочно принимающих ставящееся в качестве повторяющихся источников цитат сокращение латинского “ibidem”, что значит “тот же” или “там же”, за имя их автора. Написанная в 1928 году, эта псевдобιοграфия посвящена жизни выдуманного Лавкрафтом древнеримского философа, риторика и критика Юлия Ибидуса, родившегося в 486-ом и умершего в 587 году. Первая её часть рассказывает о жизни, общественной и политической деятельности Ибидуса, его трудах и заслугах. Вторая же описывает историю его черепа, извлечённого из разорённой могилы и превращённого в чашу для вина, которая была преподнесена в дар лангобардскому королю Аутари и впоследствии почиталась как святыня в средневековой Европе. Долгое время череп пылился на каминных полках знатных домов как реликвия, а затем пересёк океан и стал украшением коллекции трофеев первых поселенцев Америки. В конце концов, он даже послужил идолом, которому поклонялись в своих подземных норах, кто бы мог вообразить, луговые собачки прерий Милуоки. Без тени смущения разыгрывая и доводя до абсурда эту псевдобιοграфическую сатиру, Лавкрафт постоянно ссылается на труды как реально существовавших исторических персон, так и выдуманных им¹⁹, умело переплетая их между собой и сочетая реальность с вымыслом. Этим он во многом продолжает стиль «Истории Некрономикона», придерживаясь того правила, что “никакая странная история не может действительно вызвать ужас, если она не написана со всей тщательностью и правдоподобностью истинной мистификации”.

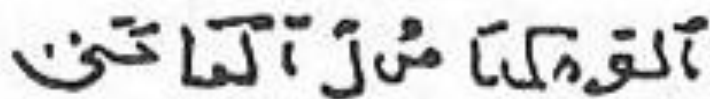
“Ibidus rhetor romanus” – надпись лангобардскими минускулами на черепе Ибидуса, иллюстрация Лавкрафта

Точно так же играючи Лавкрафт превращал имена своих знакомых и коллег по перу в замысловатые имена мифических жрецов, легендарных героев и авторов мистических писаний. Примером этого может служить, прежде всего, имя Ech-Pi-Ei, образованное от собственных инициалов Говарда Филлипса Лавкрафта (H.P.L.). Таким же образом инициалы писателя Роберта Хейворда Барлоу (R.H.B.) превратились в Ar-Ech-Bei, как и Роберта Ирвина Говарда (R.E.H.) в Ar-I-Ech, а имя Кларка Эштона Смита (Clark Ashton) стало именем

¹⁹ Причём их имена зачастую образованы игрой слов: Von Schweinkopf – нем. “свиная голова”, Littlewit – англ. “недоумок”, Bête noir – фр. “чёрный зверь”, аналогично выражению “чёрная овца”.

жреца Klarkash-Ton, автора гиперборейского сборника легенд «Commorion», так же как и имя Августа Дерлета (August Derleth) стало именем графа d'Erlette, автора «Cultes des Goules». Все эти имена и названия часто использовались в общей переписке писателей, как элементы игры в мифотворчество, а также в их собственных произведениях. К примеру, в рассказе «Битва завершившая столетие» (The Battle that Ended the Century), написанном Лавкрафтом в соавторстве с Робертом Барлоу в 1934 году, имена всех персонажей образованы от имён тех или иных реальных личностей, а Horse Power Hateart от имени самого Лавкрафта. Общее же число псевдонимов писателя, которыми он подписывал свои письма, произведения и публикации, превышало два десятка, к примеру: Айзек Бикерстаф-младший, Хамфри Литлвит, Арчибальд Мэйнворинг, Майкл Ормонд О'рейли, Льюис Теобальд-младший, Перси Симпл, Вард Филлипс, и самый, пожалуй, примечательный, это Дедуля.

Исходя из всего этого, имя Абдул Аль-Хазред можно справедливо считать самым первым псевдонимом пятилетнего Лавкрафта. А в шесть или семь лет, в период увлечения греко-римской мифологией и культурой, его сменил Луций Валерий Мессала, который пытал воображаемых христиан на аренах амфитеатров, когда юному Лавкрафту докучали занятия в воскресной школе. Впрочем, на протяжении всей своей жизни он так и оставался *безумным поэтом*, ведь даже в поздних письмах, например, в адресованном Э.Х.Прайсу от 3 октября 1932 года, можно встретить такую шутовскую подпись писателя – «Ваш, брат джиннов и ифритов, Абдул Аль-Хазред.» А в другом письме Роберту Блоху²⁰, от 30 апреля 1935 года, Лавкрафт приводит даже собственноручно выполненное написание этого имени арабской вязью, вернее попытку стилизации под неё²¹, на что явно указывает лишь верно выведенное окончание.

Написание имени арабской вязью, иллюстрация Лавкрафта

Таким образом, согласно воспоминаниям Лавкрафта, имя араба является всего лишь вымыслом, и, возможно даже, не его собственным. По этому поводу С.Т.Джоши говорит следующее:

«Его (если действительно его) выдумка крайне неудачна с точки зрения арабской грамматики, поскольку в ней удвоен артикль: Абдул Альхазред. Правдоподобней бы выглядело Абдэл Хазред²², хотя это не так благозвучно.»

²⁰ Это письмо было написано Блоху в ответ на его просьбу, дать разрешение использовать образ Лавкрафта в рассказе «Пришедший со звёзд» (The Shambler from the Stars) 1935 года. И тот дал его, прислав самую настоящую, пусть и шутовскую, расписку, заверенную, в том числе, самим Аль-Хазредом.

²¹ Что для него было несложно, ведь, согласно Де Кампу, почерк Лавкрафта с годами стал настолько мелок и неразборчив, что мать одного из корреспондентов, увидев его письмо, всерьёз задалась вопросом, не написано ли оно полностью на арабском?

²² Помимо предложенного Джоши варианта существует и масса других, обоснованно или нет, интерпретирующих имя араба. Марк Овинс и Джек Чалкер в своей работе «Исследование Некрономикона» (The Necronomicon: A Study) 1967 года предложили даже следующую противоречивую форму имени – Абдаллах Зар-ад-Дин (Abdallah Zahr-ad-Din), что можно перевести как «Раб Божий Сокровище Веры». Позднее, именно её использовали Де Камп и Дж.Сайзерс в своём «Аль-Азиф».

Но Джоши в *корне* не прав относительно “удвоенного артикля”, поскольку Абдул или Абдал является сокращением от арабского имени Абдуллах или Абдаллах, переводимого как “Раб Божий” или “Слуга Аллаха”, где “Ал” является скорее частью имени указывающей на связь с Аллахом, нежели артиклем как таковым. Однако ещё сам Лавкрафт отмечал равнодушное отношение араба к исламу, поэтому более уместна сокращённая форма Абдул или же Абд, при которой артикль “Аль” ставится перед второй частью имени и не вызывает никаких сомнений. Именно в такой форме имя Абд Аль-Хазред могло бы соответствовать упомянутому ранее варианту перевода Тайсона – “Слуга Пожирателя”, но в своей книге он не привёл никаких доводов в пользу такого значения второй части имени. Впрочем, он мог позаимствовать его из статьи Уильяма Хамблина «Комментарии к отрывку из Некрономикона» (Notes on a Fragment of the Necronomicon) 1983 года:

«Вероятно “Hazred” это именно такой случай, и я могу предположить, что первоначальным вариантом было “Azrad”, происходящее от глагола “zarada”, значащего “задушить” или “сожрать”. Таким образом, правильным вариантом имени автора «Некрономикона», как я могу его реконструировать, будет “Abd al-Azrad”, переводящееся как “слуга великого душителя/великого пожирателя”.»

Другую версию этимологии имени предлагает Райан Паркер в своей книге «Аль-Азиф Безумного поэта Абдул Аль-Хазреда» (The Al Azif of the Mad-Poet Abdul Alhazred) 2010 года: *«Аль-Хазред легко распознать как транслитерацию Аль-Хазрет. Приставка “al” является арабским определённым артиклем и соответствует “the” в английском языке. Слово “hazret” означает “присутствие” и происходит от арабского корня “hazar”, означающего “присутствовать” или “быть/становиться действительным”. Так Абд Аль-Хазрет означает “Раб Присутствия”. Имя “Раб Присутствия”, по-видимому, подразумевает “человека, действующего под контролем невидимого присутствия”, и, безусловно, представляется подходящим эпитетом для безумного поэта²³, жившего в конце 7-го или начале 8-го века.»*

И, хотя, Паркер верно передаёт буквальное значение слова “хазрет” или “хазрат” (hazrat), он умалчивает, что оно используется арабами как уважительное обращение, при этом пишется без артикля и ставится перед именем. Таким образом, если имя “Абд” довольно распространено в соединении с каноническими 99-ю имёнами Аллаха, то вторая часть имени араба среди них не встречается, ни в варианте Хамблина, ни в варианте Паркера, и не имеет непосредственных исторических подтверждений, а потому считается исключительно вымышленной. Тем не менее, созвучное имя можно увидеть в работе арабского историка VIII-IX веков Хишама Ибн Аль-Калби «Китаб Аль-Аснам» (Kitāb al-Aṣṇām), чьё название переводится как «Книга об Идолах».²⁴ В этом монументальном труде, посвящённом доисламским религиозным культам и традициям так называемого периода джахилии²⁵, Аль-Калби упоминает племя Бану Аль-Хазрадж или просто Хазраджитов, жившее в городе Ясриб на западе Аравийского полуострова. Изначально это племя проживало в Йемене и

²³ В оригинале “sha’ir majnun”, значение этого арабского словосочетания будет раскрыто далее, но для удобства восприятия цитаты использован его буквальный перевод. В цитате также опущены написания слов на арабском.

²⁴ Подробнее см. приложение к настоящей работе «Мистификация вокруг мистификации».

²⁵ Буквально арабское слово “джахилия” (jāhiliyah) значит “неведение” и аналогично русскому “язычество”. Так, с одной стороны оно указывает на период языческих верований и вообще всего, что бытовало на Ближнем Востоке до возникновения ислама, а с другой обозначает нечто невежественное, жестокое, грешное, и нередко используется в уничижительном контексте.

перекочевало в Ясриб только в IV веке н.э., который вплоть до VII века был центром культа богини Манат (Manāt), почитавшейся Хазраджитами и Ауситами как владычица судьбы и возмездия, царица подземного мира и хранительница могильного покоя. О поклонении ей Аль-Калби пишет следующее:

«Самым первым из них всех был идол Манат, и арабы имели обычай давать имена 'Абд Манат и Зайд Манат. Он стоял на берегу моря около ал-Мушаллала в Кудайде, между Мединой и Меккой. Все арабы почитали его и совершали жертвоприношения возле него. И племена ал-аус и ал-хазрадж, и те, кто жил в Мекке и Медине и в близлежащих местах, почитали его и приносили ему жертвы и дары.

[...]

И никто не почитал её сильнее, чем ауситы и хазраджиты.»

В период вражды с Ауситами, Хазраджиты были вынуждены обратиться за поддержкой к правящим в Мекке Курайшитам. Происходивший из них пророк Мухаммед оказал свою протекцию и объединил враждующие племена, оба они составили влиятельное сословие Ансаров, вставшее у истоков исламской государственности, и, уже в свою очередь, оказывали защиту и покровительство мусульманам. Так, в период преследования пророка Мухаммеда идолопоклонниками Мекки в 622 году, называемого хиджрой, он сам получил убежище в Ясрибе, в честь чего город был переименован в Медина ан-Наби (Madīnat an-Nabī), что значит “Город Пророка”. Очевидно, чтобы избежать гонений и в нём, Мухаммед признал²⁶ почитаемую Хазраджитами богиню Манат одной из трёх дочерей Аллаха. Двумя другими подобным же образом стали богини Аль-Лат (al-Lāt) и Аль-Узза (al-Uzzā), упоминаемые в 19, 20 и 23 аятах 53 суры «Корана»:

«Вы видели Аль-Лат и Аль-Уззу, и другую третью Манат.

[...]

Они лишь имена, которыми называли вы и отцы ваши, что ниспослал Аллах. От Господа²⁷ они следуют лишь как тени.»

Значение этих аятов обычно трактуют как то, что богини не имели силы, а если и имели, то только от Аллаха и были всего лишь именами, которые использовали народы Аравии. Однако, согласно ранним биографам Мухаммеда, в частности Ибн Исхаку, 23 аят изначально имел совершенно иное значение, которое впоследствии было признано не боговдохновенным, за что получило название “сатанинского аята” и оказалось вычеркнуто из окончательной версии «Корана».²⁸ Суть же этих неудобных строк, само существование которых яростно отрицается правоверными мусульманами, заключалось в следующем их значении:

«Они возвышенные ангелы²⁹, на чьё заступничество воистину можно уповать.»

²⁶ Негласно были признаны и 360 божеств других племён, чьи идолы хранились в Мекке, вместе с главным – Хубалом, который почитался самими Курайшитами и располагался в Каабе вплоть до полного становления ислама и начала борьбы с “идолопоклонством”.

²⁷ В оригинале используется слово “sulṭānīn”, что также может означать “сила” или “власть”.

²⁸ Известно, что в 650 году бывшим секретарём пророка Мухаммедом Зейд ибн Сабитом был составлен (talif) единственный текст «Корана», ставший каноническим. Все не вошедшие в него фрагменты и тексты были предусмотрительно уничтожены по приказу халифа Усмана.

²⁹ В английском варианте “high flying cranes”, дословно “высоко летящие журавли”, что происходит от используемого в арабском оригинале гапакса “gharāniq” с тем же буквальным значением, но который трактуют как “ангелы”, имея ввиду сверхъестественную природу и красоту, нежели непосредственно ангелов (malā'ikah).

Этот эпизод может служить ярким примером того, как традиции, мифы, символы и обряды культов джахилии заимствовались молодой исламской религией, когда это было нужно, и в то же время отрицалось и уничтожалось всё, что было попросту неудобно. Так, после становления ислама, культ Манат вместе с остальными подвергся гонениям и был окончательно искоренён в 630 году, когда Саад ибн Зайд Аль-Ашхали во время похода, организованного пророком Мухаммедом для борьбы с доисламскими культами, уничтожил идол Манат, в качестве которого служил большой чёрный камень.³⁰ Согласно книге «Запечатанный Нектар» (Ar-Raheeq Al-Makhtum) шейха Сафи ар-Рахман Аль-Мубаракфури, во время разрушения святилища в том месте появилась разгневанная женщина с чёрной кожей и распущенными волосами, которая тут же была убита Саадом. Считалось, что именно так выглядела богиня или её служительницы, но куда вероятнее, что это предание имеет чисто символическое значение, указывающее на уничтожение самого идола Манат. О том, что касается возникновения её культа в Ясрибе, существовал ли он там до прихода Хазраджитов или же был принесён ими из Йемена, практически ничего неизвестно. Однако о его исконной связи с племенем говорит следующая строка в «Аль-Аснам»:

«Я поклялся правдивой и верной клятвой Манат у места, где приносят жертвы потомки ал-Хазраджа!»

Само же название племени Бану Аль-Хазрадж (Banu Alkhazraj) буквально значит “Сыновья Аль-Хазраджа”, и, хотя его родоначальник жил гораздо раньше Аль-Хазреда, сложно не заметить созвучность их имён, что может указывать на связь араба с племенем Хазраджитов. В таком случае вторая часть его имени является не чем иным, как “нисбой” (nisbah) – своего рода прозвищем, добавляемым к основному имени и указывающим на генеалогическую, этническую, религиозную, политическую или социальную принадлежность человека, а также на место его рождения. Учитывая, что нисба всегда начинается с артикля “Аль” (Al) и заканчивается суффиксом “и” (i), можно предположить, что “с точки зрения арабской грамматики” наиболее верной формой имени араба могло бы быть “Абд Аль-Хазраджи” (Abd AlKhazraji).

عبد الخزر جي

Реконструкция имени арабской вязью (читается справа налево)

III. Безумный поэт и Город столпов

Однако ни в «Истории Некрономикона», ни в других источниках не говорится ни слова о том, что араб был уроженцем Медины и выходцем из племени Хазраджитов. Впрочем, Лавкрафт вообще ничего не сообщает о ранних годах жизни Аль-Хазреда, в то время как часть других источников рассказывает о его уходе или изгнании. Но что было тому

³⁰ Некоторые современные исследователи проводят параллели между идиолом Манат и Чёрным камнем Каабы, отмечая при этом сходство оправы последнего с восточными символами женского начала. Однако, если идиолом Манат служил чёрный гранит, то камень Каабы, согласно легенде, имеет метеоритное происхождение (см. прим. 52), либо является чёрным ониксом, довольно распространённым на территории Аравии минералом.

причиной? Ответом на этот вопрос может служить прозвище араба, которое хоть и не отразилось в имени как принадлежность к Хазраджитам, но стало его полным синонимом – “Безумный араб” (majnun arabi). Согласно работе Райана Паркера «Сведения о Некрономиконе» (Necronomicon Information), арабское слово “маджнун” (majnun), переводимое как “безумный”, раньше имело иное суеверное значение: *«Маджнун стало означать “безумный” лишь сейчас. Однако в восьмом веке (время Аль-Хазреда) оно значило “Одержимый Джинном”. Быть названным безумным или одержимым Демонами считалось крайне оскорбительным для правоверного мусульманина.»*

Однако если слово “маджнун”, происходящее от “мим” (mim) и “джнун” (jnun) или “джунун” (junun), использовалось арабами в отношении одержимых джиннами, как и встречающееся в «Коране» “масхур” (mashur), что значит “замороженный” или “околдованный”, то словом “маджзуб” (majzub), означавшим “привлеченный” или “тронутый божественным”, как правило, называли людей, которые под влиянием сильного потрясения или духовного видения лишались разума и становились прорицателями или пророками, нередко именно они были и поэтами – “ша’ир” (sha’ir). О непосредственной связи поэтов с прорицателями говорит Франц Буль в своей книге «Жизнь Мухаммеда» (Das Leben Muhammeds) 1954 года: *«...арабские поэты ведут свое происхождение от древних прорицателей, и многие их особенности раскроются нам только тогда, когда мы поймём, что они унаследовали от этих далёких предшественников. Ведь неслучайно само слово “поэт” (по-арабски – “шаир”) означает “знающий”; неслучайно в тогдашней Аравии бытовало поверье, что поэты (как и прорицатели – “кахин”) общаются с джиннами.»*

Райан Паркер, также отмечая связь поэтов с прорицателями (kahin), обращает внимание на их роль в арабской племенной культуре доисламского периода. Так, уединяясь в пустыне и входя в состояние транса посредством экстатических ритуалов “та’зиф” (ta’zif) и музыкальных инструментов “ма’азиф” (ma’azif), они связывались с джиннами и слушали их голоса. Об этой практике получения трансцендентного опыта сообщает востоковед Михаэль Цветтлер в своём «Мантическом манифесте: Сура “Поэты” и коранические основы пророческой власти» (Mantic Manifesto: The Sura of “The Poets” and the Qur’anic Foundations of Prophetic Authority) 1990 года:

«Когда исполнялась какая либо из известных мантических практик, кахин и поэт (шаир), предположительно, действовали под контролем незримой сущности, что сообщала им слова, которые они затем повторяли буквально, не как собственные, а исходившие от них, как от посредников – слова, которые они не могли бы произнести по собственной воле. Эти слова, как дискурс, свидетельствовали об их неестественном или паранормальном происхождении не только по своему необыкновенному содержанию и часто сложному стилю, но прежде всего по их языковым средствам: рифме и каденции интервалов (садж) для кахина, строгой рифмовке и изометрии стиха (ши’р) для поэта...»

Примечательно, что слышимые ими голоса джиннов назывались “азф” (azf) или “азиф” (azif), это созвучно с названием книги «Аль-Азиф» (Al-Azif) и подтверждает более точную трактовку, данную ей Паркером – “Книга воя Джиннов” (The book of the howling of the

Jinn)³¹, что однозначно указывает на источник вдохновения Аль-Хазреда. Обычно такие голоса связывались с джиннами из рода Хатиф (Hatif), которые не имели никакой формы, но были слышимы, считалось, что именно они нашёптывали по ночам, давали советы и предупреждения прорицателям, а также вдохновляли поэтов. В «Коране» о таком вдохновении от джиннов говорится в 6 аяте 72 суры:

«Мужи из числа людей искали вдохновения от мужчин из числа джиннов, и те придавали им безумия.»

Абдул Аль-Хазред пишет «Некрономикон», рисунок Роберта Блоха, 1933 год

Ссылаясь на средневекового арабского историка и философа Ибн Хальдуна, Паркер обращает внимание на то, что голоса джиннов, слышимые и воспроизводимые поэтами и прорицателями, зачастую были похожи на непонятные гудящие или жужжащие звуки, которые затем растолковывались ими и приобретали доступную для понимания поэтическую форму:

*«Хальдун рассуждает о гудящем звуке, слышимом во время практик арабским гадателем, утверждавшим, что “жужжащий звук является как будто внушённым ему мысленным разговором, и это жужжание не прекращалось до тех пор, пока он не записывал и не осмысливал его”. Похоже, что гудение, слышимое в состоянии транса (азиф), подвергается некоему внутреннему процессу перевода, посредством которого звук понимается как конкретное сообщение. Подобные явления описаны в литературе об экстатических состояниях со всего земного шара.»*³²

³¹ Хотя, в таком случае оригинальное название должно выглядеть как «Китаб Аль-Азиф», где арабское “китаб” (kitāb) значит “книга” или “писание”.

³² О схожем “жужжащем шуме во время магических ритуалов”, якобы слышанном Кеннетом Грантом, сообщает Даниэль Хармс в «Энциклопедии Мифов Ктулху».

Всё это в не меньшей мере относится и ко второму прозвищу араба – “Безумный поэт” (majnun sha’ir), чьи пророческие стихи, на взгляд его современников, могли быть пугающими или же вовсе безумными, и, как отмечает в «Сведениях о Некрономиконе» Райан Паркер, считались вдохновлёнными джиннами:

«Джинны вдохновляли поэтов в известных арабских мифах. Вот почему Мухаммад настолько ревностно отрицал, что был поэтом.³³ Он хотел, чтобы все знали – его откровение пришло от “Бога”, а не от Джиннов. Таким образом, прозвище “Безумный поэт” указывает на то, что Аль-Хазред имел “связь” с Джиннами (Древними). Это также означает, что его труды были непосредственно вдохновлены ими.»

Опираясь на приведённые ранее версии жизнеописания Аль-Хазреда, можно предположить, что в юности араб действительно пережил некое духовное видение или встречу со сверхъестественным, выражаясь языком Лавкрафта, вследствие чего обрёл мудрость и дар прорицания, а вместе с ними и *безумие*, заслужив тем самым свои прозвища. И тот факт, что араб неприязненно относился к новой религии, а во второй половине VII века Ясриб уже был мусульманской Мединой, где борьба с идолопоклонством уничтожила все следы языческих культов, он наверняка приобрёл славу поэта вдохновлённого джиннами. Именно это и могло послужить причиной обвинений Аль-Хазреда в куфре (kufr), то есть “вероотступничестве”, и последующем изгнании или бегстве из Медины, откуда он перебрался в Йеменскую столицу Сану. Однако после мусульманского завоевания 628 года в ней также не сохранилось ничего, что относилось бы к наследию седой старины. Тем не менее, правивший в Сане халифат Омейядов мог показаться арабу более гостеприимным, поскольку ведя многочисленные завоевательные войны способствовавшие распространению ислама, он также осуществлял ряд политических и религиозных реформ, связанных с отказом от норм первоначального ислама, что вызывало недовольства и осуждения со стороны правоверных мусульман. Возможно, что приверженность Аль-Хазреда старым культам вместе со славой безумца и здесь могли вызвать гонения, но также возможно, что именно они снискали ему расположение Омейядов и послужили поводом для путешествия в Дамаск, столицу их халифата. Это предположение согласуется с жизнеописанием араба в «Странствиях Аль-Хазреда» Тайсона, когда тот, прославившись своим голосом и поэтическим даром, был призван ко двору правителем Йемена.

Так, для изгнанного из Медины Аль-Хазреда, Сана стала отправной точкой в его долгом путешествии, первые десять лет которого он провёл в скитаниях по пустыне Руб Аль-Хали, раскинувшейся более чем на шестьсот тысяч квадратных километров и именовавшейся “пустой землёй” из-за её безжизненности. Райан Паркер, ссылаясь на «Фонтан Гекаты» (Hecate's Fountain) Кеннета Гранта, сравнивает³⁴ Руб Аль-Хали с каббалистическим Даат³⁵,

³³ Сомневаясь, соплеменники Курайшиты обвиняли новоявленного пророка, вещавшего от имени Аллаха в форме рифмованной прозы, в том, что его откровения на самом деле ниспосланы джиннами, а его самого при этом называли маджнун, шаир, кахин и сахир. Об этом может свидетельствовать, к примеру, 36 аят 37 суры «Корана»: «Разве мы, в самом деле, оставим богов наших из-за поэта одержимого?»

³⁴ Здесь и далее, все каббалистические сравнения приводятся исключительно в качестве аналогий для лучшего понимания значения тех или иных мистических элементов и символов в творчестве Лавкрафта, но никак не в качестве их соответствий и прообразов, как это преподносят Грант и его единомышленники в своих работах.

³⁵ Одиннадцатая т.н. ложная сфера Даат каббалистического Древа Сфирот (вероятно от греч. “σφαῖρα”), является вратами в бездну и отождествляется с подсознанием. Название, очевидно, происходит от египетского

считая пустыню не просто областью Аравийского полуострова, но чем-то трансцендентным, своего рода вратами в пустоту и местом духовного гнозиса, аналогично Вратам за Грань Лавкрафта, о которых говорится в рассказе «Врата Серебряного Ключа»:

«Старинный Серебряный Ключ, как он сказал, мог отворить последующие двери на пути, ведущем вглубь коридоров пространства и времени, к самой Границе, которую не пересекал никто из людей, поскольку Шаддад, с его ужасающим величием, воздвиг и скрыл в аравийских скалах³⁶ поразительные купола и бесчисленные минареты Ирема с тысячью столпов. Полуголодные дервиши и обезумевшие от жажды кочевники, писал Картер, возвращались, чтобы рассказать о монументальных вратах и Руке, высеченной над замковым камнем арки, но, ни один человек не прошёл через неё и не вернулся, дабы поведать, что его следы остались на тёмно-красном песке, как свидетельство визита.»

Согласно «Истории Некрономикона», Аль-Хазред был одним из тех немногих, кто действительно побывал в таинственном Ирам Зат Аль-Имад (Iram dhāt al-‘imād), что значит “Ирам Город Столпов”. Легенды о нём, позднее вошедшие в сказки «Книги тысяча и одной ночи», рассказывали, что город предстал взору заблудившихся в пустыне путников словно мираж, его высокие стены и дворцы были выстроены из золотых и серебряных кирпичей, башни и минареты из топаза и яхонта, а песок на улицах состоял из жемчуга и благовонных шариков мускуса, амбры и шафрана. Врата города, как и всё в нём, были невероятно огромны, а на широких площадях росли высокие финиковые пальмы и плодоносные деревья, питаемые водой из многочисленных источников и каналов. Но, не смотря на это богатство и великолепие, в городе не было ни единой живой души, что лишь внушало ужас и благоговейный трепет. Согласно преданиям, город был воздвигнут джиннами по приказу могущественного Шаддада (Shaddad), правителя племени великанов Ад (‘Ād), но этому его земному раю не было суждено выстоять перед чудовищной бурей, бушевавшей восемь дней и семь ночей, и занёсшей город песками пустыни. Тело же самого правителя, погибшего у ворот Ирама, было погребено в величественной пещерной гробнице на территории Хадрамаута.

В «Коране» эта легенда о падении Ирама приводится, конечно же, в теологическом контексте, столпами в нём названы каменные идолы, которым поклонялись Адиты, за что Аллах сперва наслал на них засуху, а когда те не отреклись от своей веры, обрушил на них уничтожившую город бурю.³⁷ Об этом говорится в 6, 7 и 8 аятах 89 суры:

«Разве ты не видел, как Господь твой поступил с Адом, народом Ирама, который был подобен столпам, коих не было создано на земле?»³⁸

Дат или Дуат – загробного царства Анубиса, через который пролегал путь умершего на Суд Осириса, что также соответствует идеям о месте перехода и трансформации души, см. далее о роли Коронзона.

³⁶ Здесь Лавкрафт использует взятое из «Повелителя иллюзий» Прайса словосочетание “Arabia Petraea”, которое часто переводят буквально как “аравийская Петра”. Однако древний город Петра находится в иорданской долине Арава, с которой Ирам никак не связан. В то же время, латинское “petraea”, именно так, как его используют Прайс и Лавкрафт, означает “скальный”, т.е. находящийся или вырубленный в скалах.

³⁷ Ср. текст «Плач о гибели Ура», рассказывающий о чудовищной буре уничтожившей шумерский город Ур.

³⁸ Значение 8 аята – «Кох не было создано на земле» – неоднозначно, оно может относиться и к Адитам, которые были не просто людьми, а великанами; и к столпам-идолам, что перекликается с лейтмотивом Лавкрафта о внеземном происхождении идолов Древних; и к самому Ираму, как символическим Вратам.

Иллюстрация Мориса Грюнбаума

Но, возможно, что интерес Аль-Хазреда к затерянному городу был вызван не только легендами, слышанными о нём. Так, Даниэль Хармс в «Энциклопедии Мифов Ктулху» (Cthulhu Mythos Encyclopedia) 2008 года говорит, что сам араб «был потомком мифического племени Ад». И, хотя, он ничем не подкрепляет это утверждение, оно не лишено основания, поскольку очевидно, что пустынная буря не уничтожила народ Адитов полностью, а выжившие расселились по Аравии, смешавшись с другими племенами и дав начало новым, в том числе племени Хазраджитов, из которого, предположительно, и происходил Аль-Хазред. В самом же названии Адитов их потомки сохранили отголоски трагической истории, ведь в арабском языке оно выступало в роли прилагательного и имело значение «древний», из-за чего все древние руины в Аравии назывались «адийат». Вероятно, что они также сохранили и традицию поклонения идолам-столпам, в подтверждение чему Райан Паркер, ссылаясь на работу «Суфии» (The Sufis) 1964 года известного индийского мистика Идрис Шаха, в которой тот утверждает о существовании арабского обычая называть старейшин «столпами»³⁹, проводит связь символического значения столпов Ирама с Древними Лавкрафта:

«“Столпы” в “Ирем Столпов” имеют скрытый смысл. Среди арабских мистиков столпами символически называли “старейшин” или “древних”. Таким образом, “Ирем Столпов” в действительности “Ирем Древних”.»

³⁹ Аналогично выражению «столпы общества». По той же причине, при переводе «pillar» в отношении Ирама, в настоящей работе используется значение «столп», а не буквальное «столб» или «колонна».

Сам Лавкрафт также связывал Ирам с Древними, указывая в рассказе «Зов Ктулху», что город был центром их культа:

*«Средоточие этого культа, как он рассказал, находится среди непроходимых пустынь Аравии, где Ирем, Город Столпов, лежит сокрытый и нетронутый. Он не связан с ведьмовскими культами Европы и практически неизвестен за пределами круга посвящённых. Ни в одной из когда-либо существовавших книг нет ни слова о нём, хотя бессмертный китаец рассказал о двойственном значении строк в «Некрономиконе» безумного араба Абдул Аль-Хазреда, которые породили жаркие споры и многочисленные толкования⁴⁰:
То не мертво, что вечность ждёт,
И в чуждые зоны даже смерть умрёт.»*

Юго-западная же область Руб Аль-Хали, где, как предполагается, покоился Ирам, называлась Вабар (Vabār) и некогда была цветущей долиной, поглощённой после гибели города пустыней, которую населили джинны, ревностно охранявшие остатки былой роскоши этого уголка. Примечательно, что согласно «Grimoirium Imperium» после долгих скитаний по пустыне Аль-Хазред нашёл приют в пещерах под руинами, оставшимися от древнего города со схожим названием Убар (Wūbar). Расположенный на границе Хадрамаута, этот город некогда был самым настоящим оазисом, за высокими стенами которого цвели пышные сады, а восемь башен-минаретов устремлялись ввысь, поражая своим величием. Его обитатели занимались обработкой янтаря и торговлей благовонными смолами, благодаря чему город был богатым перекрёстком караванных путей. Жители Убара также изучали алхимию, астрономию и астрологию, обладали знаниями медицины, владели секретами прошлого и будущего, и даже, как считалось, тайнами некромантии и бессмертия. Джеймс Роллинс приводит историю города в своём приключенческом романе «Песчаный дьявол» (Sandstorm) 2004 года, опираясь на книгу археолога-любителя Николаса Клэппа «Дорога к Убару: В поисках Атлантиды песков» (The Road to Ubar: Finding the Atlantis of the Sands) 1999 года⁴¹:
«Основанный в 900 году до н.э. и расположенный у одного из немногих колодцев⁴², древний город был важным торговым пунктом на Пути благовоний, связывавшим ладанные рои в прибрежных горах Омана с рынками богатых городов на севере. На протяжении многих веков Убар процветал и разрастался, пока однажды половина города не обрушилась в огромную карстовую воронку, тогда же он был оставлен в песках его суеверными жителями.»

⁴⁰ О значениях двуступи см. статью «Пророчество Аль-Хазреда».

⁴¹ В ней Клэпп рассказывает, как во главе группы археологов, благодаря изучению старинных карт и следов караванных путей на снимках пустыни из космоса, в 90-х годах XX века обнаружил в песках современного Омана, недалеко от поселения Шисур, руины Убара. Этой экспедиции также посвящена книга другого её участника Ранульфа Файнса «Атлантида песков – Поиск затерянного города Убара» (Atlantis of the Sands – The Search for the Lost City of Ubar) 1992 года.

⁴² Согласно Аль-Казвини, в Хадрамауте располагался колодец Барахут или Бархут (Barghûth), в котором находили своё последнее пристанище души неверных.

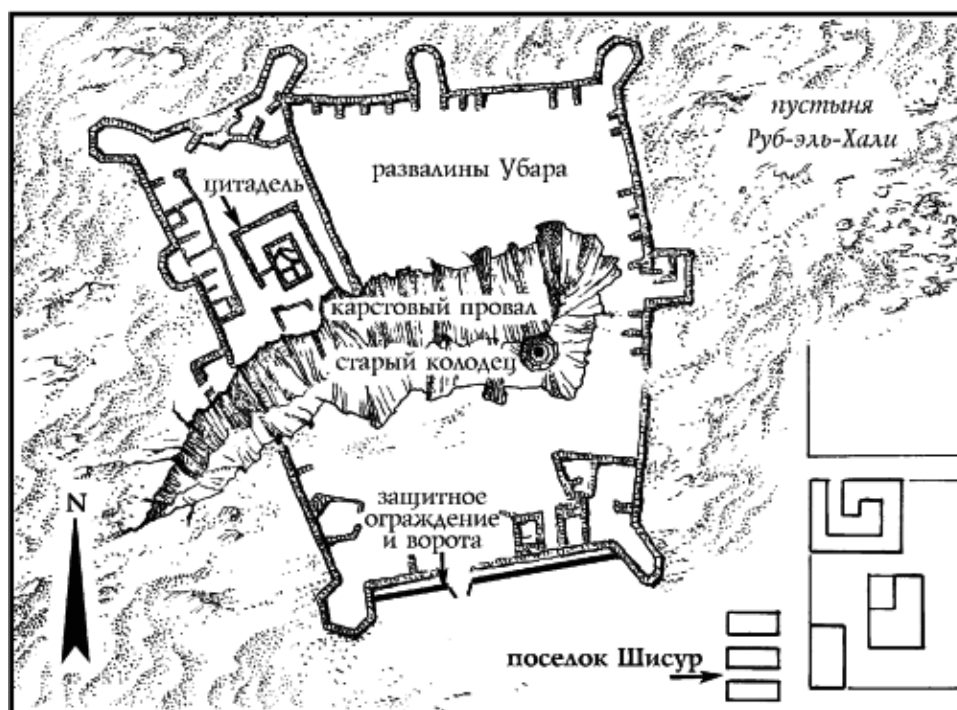

Иллюстрация Джеймса Роллинса

Так, разрушенный и погребённый под песками пустыни, город сохранился разве что в мифах и легендах как Ирам Город Столпов, Атлантида песков, или же вовсе как Безымянный город: *«Далеко в Аравийской пустыне лежит безымянный город, разрушенный и безмолвный, его стены почти скрыты в песках бесчисленных веков. Он был таким ещё до того, как заложили первые камни Мемфиса и обожгли первые кирпичи Вавилона. Нет легенд настолько древних, чтобы в них упоминалось его название или рассказывалось о жизни в нём. Но о городе шепчутся у костров и бормочут старухи в шатрах шейхов, так что все племена остерегаются его, даже не понимая почему.»*

Согласно рассказу «Безымянный город» Лавкрафта, он был воздвигнут ещё задолго до появления человека посреди плодородной долины древней расой рептилий. Когда же долина начала превращаться в пустыню, они стали прорубать в скалах под городом глубокие ходы, надеясь достичь потаённого подземного мира вечного дня, с процветающими городами и благоухающими садами, о которых говорили пророки. В то же время их собственный город пришёл в упадок и обратился в занесённые песками руины, а первые люди, отыскавшие их в бескрайней пустыне, стали жертвами озлобленных, почти выродившихся рептилий. Эта описанная Лавкрафтом раса имеет некоторое сходство с упоминаемым в «Коране» народом Самудитов, получившим своё название от потомка Адитов по имени Самуд (Thamūd).⁴³ В 9 аяте 89 суры говорится, что они “пробивали скалы в долине”, чем также занимались и жители Безымянного города. Сходство это не случайно, поскольку в заметке под номером 47 в «Тетради для творческих заметок» Лавкрафта имеется следующая приписка: *«Горные выработки в Северо-Западном Хиджазе относят к племени Самуд.»*

⁴³ В «Коране» сообщается, что Самудиты были уничтожены молниями и землетрясением. Последнее явление также могло сопровождать катастрофу, произошедшую с Убаром, и, подобно тому, как его жители покинули полуразрушенный город, выжившие Самудиты переселились на юг Аравии. Но возвращение в земли, откуда некогда вышли их предки Адиты, возможно, ознаменовалось трагическими событиями – войной, голодом, эпидемией или чем-то более ужасным, поскольку эта область полуострова получила название Хадрамаут (Ḥaḍramawt), что в переводе с арабского значит “смерть пришла”.

Лавкрафт в «Безымянном городе» довольно подробно описывает подземные ходы, оставленные под разрушенным городом его жителями, это же описание использует и Дерлет в своём «Хранителе ключа». Так в обоих рассказах, в самой их глубине располагается тяжёлая медная дверь, закрывающая проход к сияющей бездне, всё же достигнутой ящероподобными обитателями города, но оказавшейся совсем не тем, о чём они грезили: *«Вниз в бездну уходили головокружительной крутизны ступени лестницы, мелкие и многочисленные, как и тёмные коридоры, по которым я проползал. Но через несколько футов светящаяся дымка скрывала всё. У левой же стены от прохода покачивалась распахнутая массивная медная дверь, невероятно толстая и украшенная фантастическими барельефами. Она, если её закрыть, могла бы разделить внутренний мир света от подземелий и ходов в скале.»*

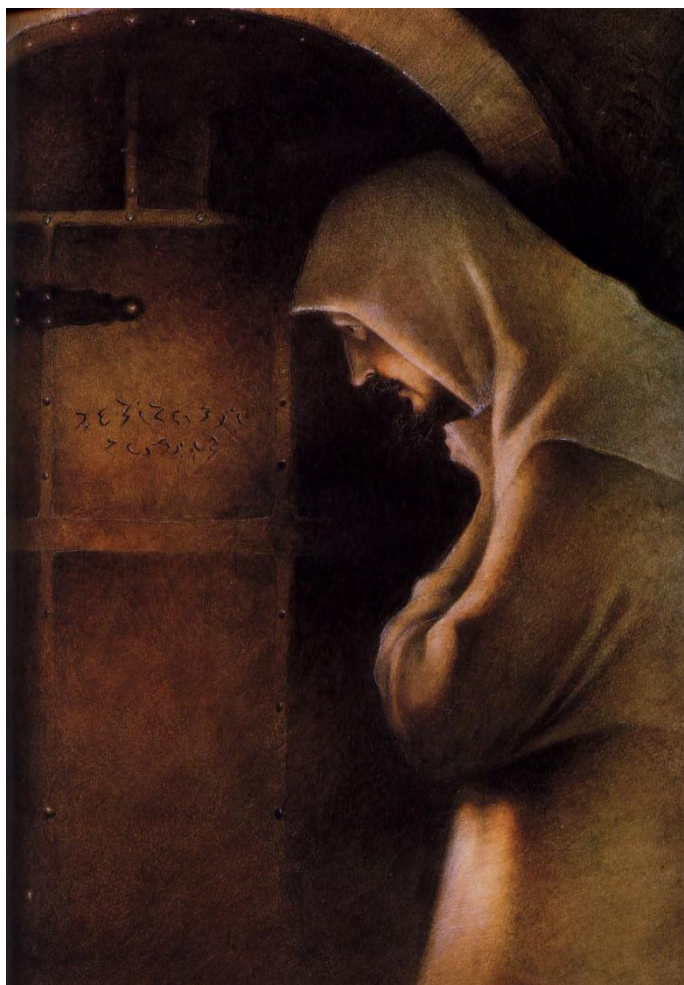

Иллюстрация Сюзан Галлахер

О подземельях в пустыне и скрытой в них двери, отделяющей проход за неведомую Грань, также говорилось в «Тексте Р'лиех» и «Grimoïrium Imperium»⁴⁴, а в приведённой ранее цитате из «Врат Серебряного Ключа» Лавкрафт писал, что Врата за Грань были скрыты под Ирамом. Очевидно, что эти элементы играют в судьбе Аль-Хазреда такую же важную роль и

⁴⁴ Дональд Тайсон в «Странствия Аль-Хазреда» также приводит описание подземелий в скалах под руинами Ирама, но в их глубине он располагает не медную дверь, а особую камеру с семью вратами, через которые душа путешественника может пройти в одно из мест: плато Ленг, Город высот, затонувший Р'лиех, Юггот, Атлантиду, Кадат и храм Альбиона.

имеют символическое значение, как сам Ирам и Руб Аль-Хали. Возможно, что в руинах Убара ему действительно удалось проникнуть в сохранившиеся подземные пещеры и отыскать там медную дверь, украшенную таинственными барельефами, а за ней святую святых некогда богатого торгового города – сокровищницу или гробницу его правителя и основателя. Но, куда вероятнее, что найденное арабом сокровище было иного рода, о чём говорится в «Истории Некрономикона»:

«Он [Аль-Хазред] утверждал, что видел легендарный Ирем, или Город Столпов, и отыскал под развалинами некоего безымянного города в пустыне ужасающие летописи и секреты расы, что старше человечества.»

Так, в подземельях под городом Аль-Хазред мог обнаружить древнюю библиотеку с табличками и свитками, содержащими древние знания, изучению которых в полном одиночестве и при свете масляной лампы он посвятил долгие годы. Это подтверждается словами Лавкрафта в письме К.Э.Смиту от 18 ноября 1930 года:

«Что касается Города Столпов, то да, я слышал о сообщениях современных слишком рьяных путешественников. Безумный араб Абдул Аль-Хазред, как говорят, жил в нём какое-то время в VIII⁴⁵ веке, до написания отвратительного и богохульного «Некрономикона».»

IV. Духи пустыни и путь за Грань

Но наследием какой расы были найденные арабом *сокровища*? Теолог Исаак Пейрер, в своей книге «Преадамиты» (Praeadamitae) 1655 года, выдвинул и развил идею о существовании народов, населявших Землю прежде Адама, которых он назвал “преадамитами”. Одним из таких народов были гиганты Ад, на наследие которых, в том числе, намекает Аль-Хазред в изречённом им при виде руин Безымянного города пророческом двустиишии. Однако были и более древние расы, предшествовавшие даже преадамитам, так в «Истории Некрономикона» Лавкрафт сообщает, что пустыня Руб Аль-Хали находилась “под покровительством злых духов”, которыми, согласно верованиям арабов, были Джинны. Созданные из чистого бездымного огня⁴⁶, некогда эти существа царствовали на всей Земле ещё до появления человечества, но затем были изгнаны в пустыню и огромные горы Каф (Jabal Qaf). Учёный и литератор XIII века Закария Аль-Казвини, известный своей «Книгой чудес творения» ('Ajā'ib al-makhlūqāt wa-gharā'ib al-mawjūdāt), писал о них следующее:

«В сказаниях говорится о том, что раса Джиннов в древности, ещё до сотворения Адама, населяла все земли и моря, горы и равнины. И милостью Божьей были они преумножены, и у них было своё царство, пророки, вера и законы. Но они грешили, нарушали заповеди, пошли против своих пророков и наполнили нечестивостью все земли.⁴⁷ После чего Бог, имя его да возвысится, послал против них воинство ангелов, которое завладело их землями, прогнало Джиннов на острова и пленило многих из них.»

⁴⁵ Лавкрафт допускает неточность в датировке, поскольку путешествие араба по Руб Аль-Хали происходило скорее в VII веке, нежели в VIII.

⁴⁶ В 27 аяте 15 суры «Корана» говорится, что джинны были сотворены раньше человека из “нари ас-самуми” (Nāri As-Samūmi), что обычно переводят как “бездымный огонь”, но буквально это значит “ядовитое пламя” или “огненный яд”. Позднее словом “самум” (samūm) стали называть горячие шквалистые ветры, приносившие из пустыни песчаные бури. Такие ветры связывались с джиннами Заубарах, о чём см. далее.

⁴⁷ Арабы связывали джиннов с колдовством, называемым “сихр” (sihr), и почитали их как духов-покровителей места или племени, аналогично западно-семитским Баалам (Ba'al), древнегреческим Даймонам (δαίμων) или римским Гениями места (Genius loci). Именно о поклонении людей джиннам, как считается, говорится в приведённом ранее 6 аяте 72 суры «Джинны» (Sūrat Al-Jinn).

Это средневековое изложение поверий о джиннах весьма близко к тексту «О Древних и их Отродах» (Of Ye Old Ones and their Spawn), который приводится в «Книге мёртвых имён» Хэя:

«Древние были, Древние есть и Древние будут. С тёмных звёзд пришли они ещё до рождения человека, незримые и внушающие отвращение, спустились они на первозданную Землю.

[...]

Бесцельно блуждали Древние по путям тьмы и кощунства их на Земле были велики. Все творения склонялись пред их могуществом, познав их злобу. И тогда Старшие Владыки открыли глаза и узрели всю мерзость тех, кто свирепствовал на Земле. В гневе они схватили Древних дланью своею посреди их злодеяний и сбросили с Земли в Пустоту за гранью миров, где царит хаос и отсутствие форм.»

Райан Паркер в «Сведениях о Некрономиконе» также подмечает сходство мифических джиннов с Древними Лавкрафта, при этом он опирается на статью из «Мусульманского словаря» (A Dictionary of Islam) Томаса Хаджеса 1895 года, написанную на основе энциклопедических аннотаций Эдварда Лейна «Арабское общество в средневековье» (Arabian Society in the Middle Ages) к его переводу сказок «Книги тысяча и одной ночи», опубликованных в 1883 году. Особое внимание в статье следует обратить на сравнение образа джиннов из сказок всё с теми же столпами:

«“...и все эти виды существ обычно были невидимы для людей, но, как полагали, они могли принимать любую форму, когда их тела сгущались и становились видимыми.” Это последнее замечание иллюстрирует несколько описаний Джиннов⁴⁸ в «Арабских ночах», где форма чудовища сперва была неопределённой или как огромный столп, а затем постепенно становилась человеческой и меньших размеров.

[...]

Джинны, как считалось, являлись человеку чаще всего в форме змей, собак, кошек или людей. В последнем случае они иногда имели человеческий рост, а иногда и огромный размер. Если они были добрыми, то обычно блистали красотой, а если же злыми, то пугали уродливостью. Они легко становились невидимыми (за счёт быстрого сгущения или рассеивания частиц, из которых состояли) или внезапно исчезали в земле, в воздухе, и проходили сквозь сплошную стену.»

То, что джинны могли сгущать и рассеивать свои эфемерные тела, принимая различные формы или становясь невидимыми, в определённой степени соотносится с описаниями тел Древних, некоторых существ и инопланетных рас в произведениях Лавкрафта – «Шепчущем во тьме», «Хребтах безумия», «Тени из безвременья», «Обитающем во тьме» и «Зове Ктулху»:

«Эти Великие Древние – продолжал Кастро, – не состояли из плоти и крови. Они имели форму – разве это не подтверждает звёздный идол? – но эта форма не состояла из материи.

⁴⁸ В своей статье, за исключением цитат, Хаджес употребляет слово “genii”, от лат. “genius” – “дух”, как близкое по смыслу и звучанию к арабскому “jinn”. Но для удобства восприятия отрывка вне контекста статьи, в его переводе используется “джинн”. Примечательно, что Лавкрафт, в коротком рассказе «Память» (Memory) 1919 года, использует схожее слово “genie”, которое также можно перевести как “гений”, “дух”, или же как “джинн”.

Однако среди всех сочинений Лавкрафта особо выделяется рассказ «Ужас Данвича», именно в нём он наделил Древних рядом качеств, которые арабы приписывали джиннам, и одним из таковых была невидимость:

«Он знает, где они ступали по Земле и где они оставили свой след, а также, почему никто не может увидеть их. По зловонию люди узнают об их присутствии, но никто не видел их, лишь черты, проявляющиеся в тех, кто родился от их союза с человеком; и таких множество, обладающих как человеческим обликом, так и истинным обликом, незримым и бесплотным. Они блуждают невидимые и зловонные в пустынных местах, где были произнесены слова и исполнены обряды в соответствующее время. Ветер шепчет их голосами, и земля бормочет об их помыслах. Они валят леса и рушат города, но, ни лес, ни город не узрят сокрушившую их десницу.

[...]

По нечестивость вы узнаете их. Их десница у вашего горла, но вы не узрите её; и обитают они у охраняемого порога вашего.»

Об этих же особенностях сверхъестественной природы Древних писал и Дональд Тайсон в «Странствиях Аль-Хазреда»:

«Их тела не рождаются на Земле, но происходят в качестве образов из внешних пространств, что лежат за пределами области четырёх элементов, и эти образы или совершенные формы затем делаются материальными за счёт приращивания к ним материй, которые соединяются вместе по воле творца, телом которого они и становятся. Собирая влажные пары из воздуха и мелкие частицы пыли, парящие на ветру, Древние создают себе физические тела, через которые проецируют свои образы, но эти тела много больше, нежели просто костюмы из одежд, которые они могут надевать и сбрасывать по желанию.»

Однако на этом сходство Древних Лавкрафта с джиннами не заканчивается. Так, сюжет «Ужаса Данвича» повествует о семействе Уэтли, живущем на ферме у деревеньки Данвич. Ранним утром на Сретение неприглядная альбиношка Лавиния, дочь старого колдуна Уэтли, рождает на свет двух братьев, зачатых ею, как позже выясняется, в Вальпургиеву ночь на вершине увенчанного каменным кругом Сторожевого холма от Йог-Сотота. Уилбур, один из братьев, растущий не по дням, а по часам, хоть и поражает данвичцев необычным видом, но долгие годы скрывает свою истинную природу, вплоть до гибели, к которой приводит роковая случайность при попытке выкрасть из библиотеки Мискатоникского университета «Некрономикон». Вот как Лавкрафт, в свойственной ему фантастической манере, описывает Уилбура Уэтли в последние мгновения его жизни:

«Частично оно было человеком, вне всяких сомнений, с очень человекоподобными руками, головой и козлиным лицом со срезанным подбородком, типичной чертой Уэтли. Но туловище и нижняя часть тела были невероятны даже для тератологии, и лишь обилие одежды позволяло ему ходить по земле, оставаясь нераскрытым и не уничтоженным. Выше пояса оно было антропоморфным, хотя его грудь, в которую всё ещё впивались когти настороженного пса, была покрыта чешуйками, как шкура крокодила или аллигатора. Спина же была в жёлтых и чёрных пятнах, как кожа некоторых змей. Но ниже пояса всё было ещё хуже, ибо здесь терялось всякое сходство с человеком и начиналось настоящее безумие. Кожа была покрыта густой чёрной шерстью, а от живота тянулись и безвольно свисали длинные зеленовато-серые щупальца с красными ртами-присосками. Их

расположение было странным, и, казалось, подчинялось симметрии некой космической геометрии, неведомой на Земле и в Солнечной системе. На каждом бедре располагалось по одному, глубоко посаженному в обрамлённых розовыми ресничками орбитах, рудиментарному глазу; а в качестве хвоста сзади свисало нечто вроде хобота или щупальца, покрытого пурпурными кольцами и с признаками недоразвитого ротового отверстия. Нижние конечности, тоже покрытые чёрной шерстью, отдалённо напоминали задние лапы гигантских доисторических ящеров и оканчивались жилистыми подушечками без когтей или копыт. Когда оно дышало, хвост и щупальца мерно изменяли цвет, что было нормальным для его нечеловеческой природы. Щупальца при этом приобретали зеленоватый оттенок, в то время как хвост становился жёлтого цвета, который чередовался с болезненным серо-белым в промежутках между пурпурными кольцами. Настоящей же крови не было, только зловонная зеленовато-жёлтая сукровица, которая стекала на пол липкой лужей, оставляя после себя странный след.

[...]

Нет нужды описывать вид и скорость распада, которые происходили на глазах доктора Армитейджа и профессора Райса; но можно сказать, что, помимо внешнего вида лица и рук, действительно человеческого в облике Уилбура Уэтли было крайне мало. Когда же пришёл медэксперт, на крашеных досках пола осталась лишь липкая белёсая масса, а чудовищное зловоние почти исчезло. По-видимому, у Уэтли не было ни черепа, ни костей скелета, по крайней мере, в их привычном представлении. Это он унаследовал от своего неизвестного отца.»

Иллюстрация Vergeauxi Aquilae

После гибели Уилбура, его безымянный брат, с рождения скрываемый в доме Уэтли, поскольку черты сверхъестественного родителя проявились в нём гораздо сильнее, вырывается на свободу, сея разрешения, смерть и ужас в Данвиче, но оставаясь при этом совершенно невидимым для людей. Этот образ чудовища, как считается, был вдохновлён Лавкрафту рассказами «Что это было?» (What Was It?) Фитца Джеймса О'Брайена 1859 года, «Орля» (Le Horla) Ги де Мопассана 1887 года, «Ивами» (The Willows) Эджертона Блэквуда 1907 года, и в особенности «Проклятой тварью» (The Damned Thing) Амброза Бирса 1893 года. Все эти рассказы Лавкрафт упоминает в своём литературоведческом эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (Supernatural Horror in Literature) 1925-27 годов, как и повесть Артура Мейчена «Великий бог Пан» (The Great God Pan) 1890 года, из которой, как полагают, он почерпнул мотив сношений человека со сверхъестественными существами и появления от таких союзов на свет ужасных отродий. В этой повести молодая девушка, результат подобной противоестественной связи, подобно Уилбуру скрывает свою природу, живя среди людей, и проявляет её только на смертном одре.

Повесть Мейчена, как и остальные произведения, действительно оказали на Лавкрафта сильное влияние, однако в «Ужасе Данвича», помимо невидимости, он затрагивает и другой аспект арабских поверий о джиннах, согласно которому те могли “делиться с людьми их богатства и детей”, как это говорится в 64 аяте 17 суры «Корана».⁴⁹ Об этом же писали в своих трудах и такие средневековые богословы, как Фахр Аль-Рази, Ибн Таймия, Джалал Аль-Суюти, суфий Аш-Шибли, а также Томас Хаджес всё в той же статье из «Мусульманского словаря»:

«Джинны, как уже было сказано, миролюбивы. Они также едят и пьют, и плодят свой род, иногда даже с людьми. В этом, последнем случае, их отпрыски разделяют природу обоих родителей.»

Правоверные мусульмане называли таких отпрысков словом “хабис” (habis) или “хаба’ис” (haba’is), что значит “скверна”. Согласно Аль-Казвини, на которого ссылается Хаджес, от людей и джиннов из рода Шикк (Shiqq) происходили Наснас (Nasnās), имевшие только половину тела, с одним глазом на половине головы, одной рукой и ногой, на которой довольно уверенно и проворно передвигались.⁵⁰ Другие же имели тело покрытое шерстью, с расположенным на груди лицом и хвостом, что напоминает облик Уилбура Уэтли. Впрочем, такие порождения могли и вовсе ничем не отличаться от обычного человека, выделяясь лишь некоторыми внешними чертами, не свойственными народу, в котором они появлялись на свет. Дональд Тайсон в «Странствиях Аль-Хазреда» сообщает, что по слухам сам араб был подобным полукровкой:

«Говорят, он был красив лицом, с необыкновенной белой кожей и зелёными глазами, что вызвало удивление, когда он родился, поскольку его отец был смуглым и темноглазым. Ходили слухи, что его мать возлегла с джинном во время пути с караваном через пустыню, когда должна была выйти замуж, но её чрезвычайное благочестие опровергало этот слух.»

⁴⁹ Схожие мотивы можно найти в ветхозаветных мифах о гигантах Нефилим, вступавших в связь с “дочерьми человеческими”, и Рефаим, название которых переводят как “нечестивцы”, “духи” или “мертвецы”.

⁵⁰ Вероятно, именно эти существа через легенды об Александре Македонском вошли в славянскую мифологию как “дивія люди”, а также в европейскую как “моноподы”. Их можно встретить на русских лубках XVII-XVIII веков, и в таких трудах как «Liber Chronicarum» 1493 года, или «Книге чудес творения» Аль-Казвини.

Аль-Хазред обладал высоким и стройным телом, с грацией в движениях подобной изящному скакуну. Но самым поразительным был его голос.»

Что же касается форм самих джинов, принимаемых ими при материализации тел, то обычно они повторяли облик различных явлений и живых существ – ядовитых насекомых, хищных животных или людей. Но в каждом случае всегда оставалась некая деталь, выдававшая их неестественную природу, которая, впрочем, не мешала джинам свободно появляться среди людей и придаваться плотским утехам. Хотя, некоторые их формы были столь же необычны, сколь и образы Древних богов или существ в произведениях Лавкрафта, что не случайно. Так, песчаные вихри “самум” (samūm) считались одной из форм, принимаемых джинами рода Заубарах (Zaubarah), о чём упоминается в словаре Хаджеса:

«Заубарах, что является поднимающим песок и пыль вихрем в виде столпа огромной высоты, часто видели движущимся по пустыне и полям, и считали вызванным полётом злых Джиннов. Чтобы защититься от Джиннов “кружащихся в вихре”, арабы часто восклицали – “Железо! Железо!” (Hadid! Hadid!), или “Железо! Ты несчастный!” (Hadid! Ya Mashum!), поскольку Джинны должны испытывать сильный страх перед этим металлом...»⁵¹

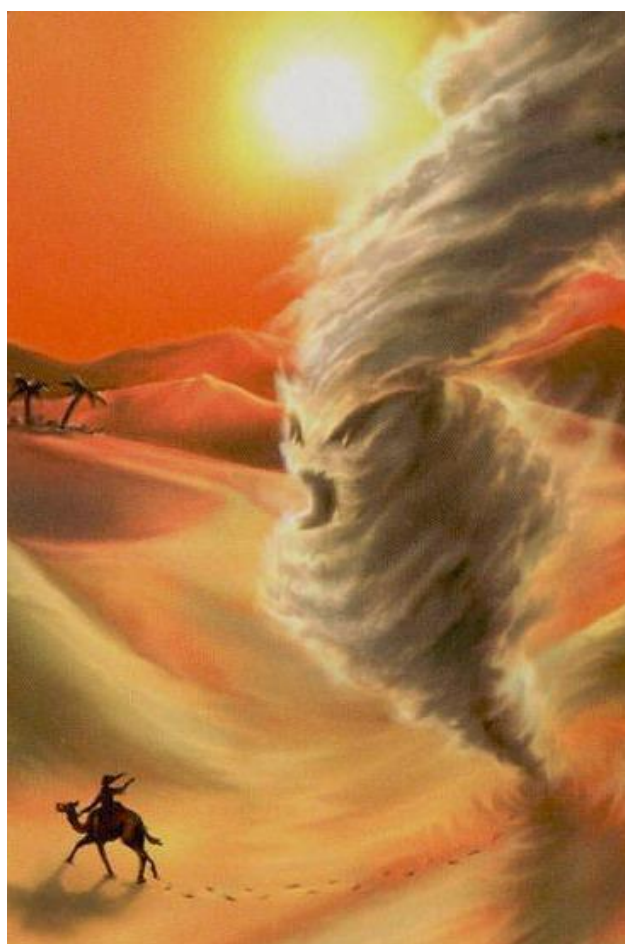

Иллюстрация Энн Стоукс

⁵¹ Схожие поверья существуют у различных народов, к примеру, у восточных славян вихри гоняющие пыль по дорогам назывались Встречниками. Считалось, что они образованы плясками чертей, которые преследовали путников и даже уносили их души, поэтому в такой вихрь следовало кинуть нож, и если тот воткнется лезвием в землю, то непременно будет окровавлен, а пригвождённая им нечистая сила станет служить путнику.

Именно такие песчаные вихри, как пишет Лавкрафт в «Безымянном городе», периодически возникали в пустыне на восходе и закате солнца, и были образованы душами обитателей города, парившими над его руинами в свете луны:

«Когда наступила ночь и взошла луна, я ощутил холодный ветер, который принёс новый страх, так что я не посмел остаться в городе. И когда я выбрался наружу, к древним стенам, чтобы устроиться на ночлег, то увидел, как позади меня возник песчаный вихрь и подул над серыми камнями, хотя луна светила ярко и сама пустыня была спокойна.»

О ветре, вырывавшемся из подземелий и кружившем над Безымянным городом, также писал и Дерлет в «Хранителе ключа», где называл его “ветром призраков”, стерегущим гробницу Аль-Хазреда:

«Тут налетел ветер. В его яростных порывах звучал шум голосов, далёкие крики, вопли и ругательства, завывания и мучительные стечения, разносимые ветром. И когда я пристально посмотрел наружу, мне показалось, что в самом ветре неслись бесчисленные морды ящеров, рептилий и земноводных, оплакивавших свою неволю в этой гробнице под Безымянным городом...»

Но поднимающий пески ветер не только охранял гробницу араба, а, согласно «Некрономикону» Саймона и «Тексту Р’лиех», сопровождал саму его гибель, также как и гибель Ирама. В «Коране» говорится, что легендарный город уничтожили и занесли песками свирепые ветры, это может указывать на падение его не просто под натиском природной стихии или гнева мусульманского бога, а под первобытной яростью джиннов. Но чем Адиты могли вызвать такую озлобленность духов пустыни, которых они почитали в виде столпов-идолов? Ответом на этот вопрос служат 65-72 аяты 7 суры «Корана», рассказывающие о том, как пророк Худ наставлял собратьев Адитов отречься от поклонения идолам и почитать одного Аллаха. И хотя Адиты так и не приняли нового бога, сама эта идея, проповедуемая одним из них, могла навлечь на город гнев *вспыльчивых* джиннов, которые остались его единственными обитателями и хранителями.

Возможно, что именно эта трактовка коранического мифа и легла в основу заметки под номером 48 в «Тетради для творческих заметок» Лавкрафта, говорящей о “городах стёртых с лица земли сверхъестественным гневом”, а позднее нашла отражение в рассказе «Лампа Аль-Хазреда»:

«Скалы уступили место продуваемой ветрами пустыне, где словно мираж высился покинутый и сокрытый город, потерянный Город Столпов, легендарный Ирем, и Филлипс знал, что нога человека уже давно не ступала по улицам этого города, но ужасные существа всё ещё скрывались среди древних каменных громад, которые стояли не в руинах, но были такими, какими их воздвигли до того, как обитателей древнего города сокрушили и изгнали твари, пришедшие с небес⁵², чтобы овладеть Иремом. Но никого из них не было видно, ощущался лишь затаившийся страх, явившийся словно тень из безвременья.»

⁵² Эти строки, написанные Дерлетом в 1957 году, интересны тем, что ещё за 25 лет до них в 1932 году на территории Руб Аль-Хали в месте предполагаемого расположения Вабара, называемого арабами Аль-Хадида, что значит “железная вещь”, экспедицией арабиста Гарри Сент-Джона Филби было обнаружено несколько метеоритных кратеров. Предполагалось, что описанные в «Коране» пыльные бури, накрывшие Ирам, были вызваны падениями метеоритов, именно один из них, размером около метра и весом более двух тонн, был найден позднее в 1966 году экспедицией Юджина Шумейкера. Также им были обнаружены мелкие осколки,

Но ещё сам Лавкрафт использовал все эти мотивы и образы в своей повести «Тень из безвременья» при описании древних полипообразных существ, обитавших в подземных пещерах под развалинами обнаруженного в австралийской пустыне города дочеловеческой расы. Эти существа передвигались по воздуху, могли становиться невидимыми и управлять ветром, а также возводили огромные, напоминавшие столпы, базальтовые башни, соединявшиеся обширными системами искусственных подземных пещер:

«Они были лишь отчасти материальны, в нашем понимании материи, их вид сознания и средств восприятия полностью отличались от земных организмов. Например, их органы чувств не имели зрения, а представления о мире были странным, не визуальным набором ощущений. Они, однако, были в достаточной степени материальны, чтобы использовать орудия из обычной материи в тех космических областях, что содержали её; и они нуждались в жилищах, пусть и своеобразного вида. Хотя их чувства и могли проникать через любые материальные преграды, их субстанция не была на это способна, а определённые формы электрической энергии могли и вовсе полностью уничтожить её. Они также имели способность перемещаться по воздуху, несмотря на отсутствие крыльев или других видимых средств левитации.

[...]

Когда эти существа пришли на Землю, то возвели огромные базальтовые города из лилипутских окон башен, и безжалостно истребляли всех живых существ, что им встречались.»

Другой принимаемой джиннами формой, согласно поверьям арабов, были собака, шакал, гиена, либо киноцефал с человеческим телом и ногами, оканчивавшимися копытами. Арабы называли этих оборотней Гуль (Ghul), если джинн был женского пола⁵³, или Кутруб (Qutrub), если мужского, в чём, впрочем, не делалось большой разницы. Они жили в пустыне вдоль дорог и охотились на отставших от караванов путников, соблазняли и заманивали их в свои пещеры, а затем убивали и пожирали, они также воровали детей, разносили болезни, расхищали могилы и поедали трупы. Гули, в несколько переработанном виде, уже как Гулы (Ghoul)⁵⁴, стали частью бестиария Лавкрафта, впервые он упоминает их в рассказе «Изгой» (The Outsider) 1921 года:

«Теперь с усмешкой седлаю я ночной ветер вместе с дружными гулами, а днём играю в катакомбах Нефрен-Ка в потаённой и неведомой долине Нила Хадот.»

Затем в рассказе «Модель Пикмана» (Pickman's Model) 1926 года эксцентричный бостонский художник Ричард Пикман изображает их на своих картинах, как оказывается, с натуры. В этом рассказе Лавкрафт приводит довольно подробное описание Гулов, схожее с тем, что бытовало в средневековой арабской мифологии:

которые ещё в своё время Филби принял за искорёженные металлические статуэтки. Очевидно, что такие осколки и сами метеориты, служили объектами поклонения, как идол богини Манат или Чёрный камень Каабы. Примечательно, что метеориты или падающие звёзды (shihab) арабы считали джиннами, которые были сброшены с небес за то, что тайком забрались туда и подслушивали разговоры бога с ангелами.

⁵³ Ср. ламии Эмпуса, имевшие женский облик и ослиные ноги с копытами, в древнегреческой мифологии.

⁵⁴ В западную литературу и фольклор Гули вошли благодаря переводам на французский и английский «Книги тысяча и одной ночи», сочинениям Уильяма Бекфорда, Эдгара По, а затем и Лавкрафта. При переводе их на русский, часто используются как эквивалент «упырь» или «вурдалак», что в корне неверно, как с точки зрения арабской мифологии и славянского фольклора, так и с точки зрения указанной английской литературы.

«Оно было колоссальным и невыразимо кощунственным, с горящими красными глазами. В своих костлявых когтистых лапах оно держало предмет, который был человеком, и грызло его голову, как ребёнок грызёт конфету на палочке. Оно сидело на корточках, казалось, готовое в любой момент бросить свою добычу ради новой, куда более сочной. Но, чёрт возьми, не оно было тем дьявольским предметом, который служил источником ужаса, нет, не его собачья морда с заострёнными ушами, налитыми кровью глазами, плоским носом и капающей с губ слюной. Не чешуйчатые когти, не плесень, покрывавшая тело, не ноги, оканчивавшиеся копытами – ни что из этого, хотя и оно могло внушить ужас любому и довести до безумия.»

Модель Пикмана, рисунок Лавкрафта, 1934 год

Но особую роль Лавкрафт отвёл Гулам в повести «Сновидческие искания неведомого Кадата» (The Dream-Quest of Unknown Kadath) 1927 года, где описал их как существ наделённых разумом, говорящих на своём визгливом лопочущем языке, и даже проявляющих чувство отваги и сплочённости. Именно Гулы спасают главного героя повести Рэндольфа Картера и помогают ему в путешествии к Кадату на плато Ленг, а один из них, как выясняется, раньше и вовсе был человеком, тем самым художником Пикманом, сроднившимся со своими моделями.⁵⁵

Саймон также упоминает “собаколиких демонов” в своём «Некрономиконе», окружающих святилище Аль-Хазреда и предвещающих его гибель. Возможно, что именно их вой

⁵⁵ Примечательно, что в повести «Случай Чарльза Декстера Варда» того же года Лавкрафт использует слово “ghouls” для обозначения “гробокопателей”, орудовавших на кладбище Провиденса.

разбудил юного араба в роковую ночь у камня с тремя символами, из-под которого затем появились щупальца Кутулу, что примечательно, поскольку в Стансе III «Текста Р’лиех» говорится о некоем Звере Ночи (Beast of Night), который знаменует появление Древних на земле. Этих предвестников и посланцев, что грабят могилы и грызут человеческие кости, Саймон назвал Аллу (Allu), очевидно взяв за прообраз Галлу (Gallu) – проводников загробного мира из месопотамской мифологии, которых также считают прообразом арабских Гулей. Само же их название созвучно с именем богини врачевания и возрождения Гула (Gula), чьи изображения в виде или в сопровождении собаки украшали глиняные барельефы, цилиндрические печати и межевые камни Вавилона. Культ этой богини был распространён по всей Месопотамии, и, возможно, именно на него намекал Саймон, говоря о Культе Собаки.

Наконец третьей, заслуживающей особого внимания, формой джиннов была змея.⁵⁶ В связи с этим, пророк Мухаммед призывал убивать змей, мешающих молитве и не желающих уползать при её произнесении, считая их Шайтанами (ṣayāṭīn), то есть злыми джиннами.⁵⁷ Само слово “джинн”(jinn) или “джанн”(jann), происходит от арабского “джанна” (jānna), что значит “сокрытый”, но в «Мусульманском словаре» Хаджес отмечает, что в «Коране» это слово использовалось также в значении “змея”. Однако, что если эти змеи появлялись лишь во время особой молитвы и были столь огромны, что их самая тонкая часть имела толщину в две мужские руки? Именно так Саймон описывал появление Кутулу или Ктулху, сравнивая его щупальца со змеями, и сравнение это может быть не случайным, поскольку в письме К.Э.Смиту от 27 ноября 1927 года, предшествовавшему «Истории Некрономикона», Лавкрафт пишет:

«...Роба Эль-Халиех, где он [Аль-Хазред], как утверждал, отыскал записи о вещах старше самого человечества и узнал о поклонении Йог-Сототу и Ктулху.»

Очевидно, что Лавкрафт не случайно упоминает именно этих Древних. Так, Райан Паркер, основываясь на «Дополнительных комментариях к Некрономикону» (Further Notes on The Necronomicon) Уильяма Хамблина 1983 года, связывает имя Ктулху (Cthulhu) с относительно схожим по звучанию арабским словом, которое он предлагает произносить как “аль-кадхулу” (al-qhadhulu) или “хадхулу” (khadhulu), в значении “покидающий” или “оставляющий”. Несмотря на то, что прочтение Паркера не совсем верно и арабское слово должно звучать как “хадууль” (khadhūl), он прав в том, что касается значения, именно так его обычно переводят во второй части 29 аята 25 суры «Корана»:

«...это был человек, Шайтаном оставленный.»⁵⁸

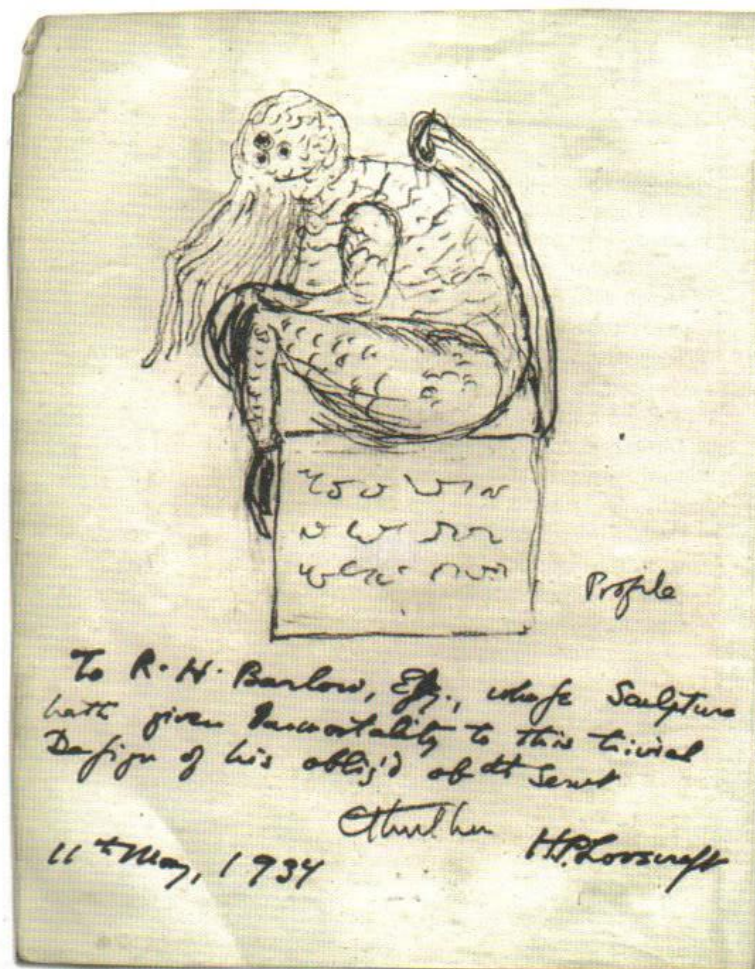
Исходя из этого, Паркер считает “хадхулу” некоей силой, лежащей в основе суфийских духовных практик “таджрид” (tajrid) – внешнего отделения, и “тафрид” (tafrid) – внутреннего уединения, целью которых является освобождение от стереотипов и ограничений культурной среды, то есть их “оставление”, и выход за её границы для достижения состояния

⁵⁶ В комментариях к «Энеиде» Вергилия римский грамматик конца IV века Сервий Гонорат писал о Гениях места следующее: «Ибо нет места без гения, который часто в образе змея предстаёт».

⁵⁷ Согласно хадисам, дозволялось убивать змей, ящериц, скорпионов, крыс, коршунов, воронов и чёрных собак.

⁵⁸ В своей работе Паркер использует неизвестный перевод этого аята, содержащий английские и арабские слова, вероятно сделанный самим Хамблином – “Mankind, Shaitan is Khadhulu”. Хотя его можно было перевести и буквально как – “Люди Шайтана оставлены”, в том смысле, что преданы им или же оставлены Аллахом.

“фана” (fanā) – обретения истинной сущности через полное растворение индивидуального бытия (nafs) с его низменными страстями в изначальной божественной пустоте. Притом, двумя необходимыми условиями этих практик являлось отшельничество⁵⁹ и ночное время суток. Так, известный востоковед Анри Корбен, рассматривая в своих работах философское учение Ишрак (Ishrāq), что значит “сияние” или “просветление”, писал о состоянии “ночного пробуждения”, когда органы внешнего восприятия человека *засыпают* и в полном отсутствии мыслей он остаётся наедине со своим внутренним миром, раскрывающимся перед ним через сновидения.⁶⁰

Идол Ктулху, рисунок Лавкрафта в письме Барлоу, 1934 год⁶¹

Психиатры Карл Юнг и Зигмунд Фрейд⁶² считали сны вратами в бессознательное, через которые проявляются иррациональные образы и символы эмоциональных переживаний,

⁵⁹ Само название суфиев (ṣūfī), приверженцев суфизма (Sufism или Ṭaṣawwuf), происходит от арабского слова “суф” (ṣūf), значащего “шерсть”, из которой издавна изготовлялась одежда аскетов и дервишей.

⁶⁰ Это можно соотнести с гипнагией – промежуточным состоянием между сном и бодрствованием, характеризующимся сознательным восприятием бессознательных образов и возникновением различных галлюцинаций. Сегодня достижению подобных состояний служат камеры сенсорной депривации, в прошлом же его добивались путём уединения в пустыне, пещерах или подземельях, а легендарный провидец Нострадамус якобы использовал для своих предсказаний глухую металлическую камеру в форме яйца.

⁶¹ Текст письма гласит: «Р.Х.Барлоу, эсквайру, чья скульптура дала бессмертие этой тривиальной задумке его покорного слуги.» Барлоу действительно занимался скульптурой, но ни одна из его работ не сохранилась, тем более, что на момент написания письма ему было шестнадцать лет, а на момент написания «Зова Ктулху» Лавкрафтом всего восемь. Тем не менее, в 2013 году на основе этого же рисунка Джо Броерсом была создана точная скульптура, которая, вероятно, очень близка к упомянутому изваянию Барлоу.

страхов и душевных заболеваний человека. Лавкрафт же, в жизни и творчестве которого сны играли далеко не последнюю роль, часто становясь источником вдохновения и одной из главных тем его произведений, всё в том же «Зове Ктулху» связывал их непосредственно с Ктулху, который навеивает сновидения сверхчувствительным индивидуумам из числа поэтов, художников и скульпторов:

*«...город-труп Р'лиех, который был возведён бесчисленные эоны лет назад
отвратительными формами, просочившимися с тёмных звёзд. Там покоятся великий
Ктулху и его орды, сокрытые под зелёными склизкими сводами, откуда на протяжении
неисчислимых циклов они навеивают кошмарные сны особо восприимчивым людям и зовут
тех, кто верно им служит, чтобы они пришли, освободили и пробудили их.»*

Основываясь на этом, некоторые мистики полагают, что Ктулху на самом деле является олицетворением сферы бессознательного, а его хтонический образ, описанный Лавкрафтом как заключённая в Р'лиех огромная чудовищная химера с антропоморфным телом, осьминогоподобной головой и перепончатыми крыльями, служит символическим воплощением самых потаённых страхов, желаний и страстей, запертых в неисследованных глубинах человеческого подсознания⁶³, отделённого от рационального сознательного гранью, что приоткрывается лишь в минуты сильнейшего стресса, при употреблении наркотиков или же во время сна. Возможно, что эту самую область, в том числе, подразумевал Лавкрафт под метафизическим понятием “за Гранью” (from Beyond), а имя олицетворяющего её Древнего, в использованной Саймон форме “Кутулу” (Kutulu), согласно Паркеру, в переводе с шумерского означает буквально “Владыка Бездны”.

Однако если Ктулху соотносится с бездной подсознания, то вратами в неё может служить второй Древний, упоминаемый в «Истории Некрономикона» как Йог-Сотот (Yog-Sothoth), о нём Аль-Хазред мог узнать блуждая в лабиринтах подземных пещер под пустыней Аль-Дахна (Al-Dahnā). Расположенная в центре Аравии⁶⁴ и примыкающая к Руб Аль-Хали, она также именовалась “красной” пустыней из-за цвета её выжженных палящим солнцем песков. Согласно же арабским мистикам, этот эпитет относился не столько к материальным особенностям пустыни, сколько к её символическому значению и духовной роли. Так, упомянутый ранее востоковед Анри Корбен, рассматривая в своих работах сочинения персидского философа XII века Яхья ас-Сухраварди и «Трактат о красном цвете» (Risala-ye yaquta-ye hamra) шейхитского учёного XIX века Мухаммада Карим-хан Кермани, рассуждает о значении красного или багряного цвета как символа проводника и перехода, что соответствует роли Йог-Сотота, о которой Лавкрафт говорит в рассказе «Ужас Данвича»:

*«Йог-Сотот знает врата. Йог-Сотот и есть врата. Йог-Сотот это ключ и страж врат.
Прошлое, настоящее и будущее, всё едино в Йог-Сототе. Он знает, где Древние появились в*

⁶² С работами Фрейда Лавкрафт познакомился в начале 1920-х годов, и, хотя, не был с ним согласен, как человек науки не мог не признать революционность его идей: «Нам может не хотеться принять мнение Фрейда, но, боюсь, нам придется так поступить.» Лавкрафт также упоминает его в своих рассказах «За стеной сна» (Beyond the Wall of Sleep) 1919 года и «Извне» (From Beyond) 1920 года, а также в «Сверхъестественном ужасе в литературе», довольно резко критикуя психоанализ сновидений и называя его символизм наивным (puerile symbolism).

⁶³ Подробнее об этом см. статью «Пророчество Аль-Хазреда».

⁶⁴ Некоторые источники также называют её малый Нефуд (ṣahrā' al-nefud), а Аль-Дахной считают область на территории Хадрамаута между Оманом и Йеменом.

прошлом и где они должны явиться в будущем. Он знает, где они ступали по Земле и где они оставили свой след, а также, почему никто не может увидеть их.»

Суть этих строк очень близка к тому, что Дональд Тайсон пишет в другой своей книге «Энохианская магия для начинающих» (Enochian Magic for Beginners) 2002 года о демоне по имени Коронзон (Coronzon). Изначально появившийся в работах Джона Ди, впоследствии он был заимствован Алистером Кроули как Хоронзон (Choronzon) в значении “Обитатель Бездны”, что отражало его связь с ложной сфирой Даат, называемой также Бездной Хоронзона (Abyss is Choronzon). Кроули считал её последней преградой на пути гнозиса, призванной уничтожить эго человека и освободить его от существующих рамок и табу, что схоже с целью ранее упомянутых суфийских духовных практик.⁶⁵ Анализируя же в своей книге записи бесед Джона Ди с так называемыми энохианскими ангелами (Enochian angels), говорившими через плутоватого медиума Эдварда Келли, Тайсон приходит к выводу, что Коронзон является своего рода стражем и проводником, стоящим у врат на границе бессознательного:

«Когда они [врата] откроются, то впустят демонов Коронзона – не в физический мир, но в наше подсознание. Духи ментальны, а не материальны. Они обитают в глубинах разума и общаются с нами через сны, бессознательными импульсами, и реже в видениях наяву. Они влияют на наши чувства и мысли на подсознательном уровне. Иногда они способны контролировать наши действия, частично как в случае иррациональных и навязчивых моделей поведения, или полностью как в случае одержимости. Через нас, используя нас в качестве своих физических инструментов, и только так, они способны влиять на материальные вещи.»

Схожих идей придерживался и сам Кроули, работавший над англоязычным изданием «Гоэтии» (Goetia)⁶⁶, первой части колдовского гримуара XVII века «Lemegeton Clavicula Salomonis», написанной на основе «Pseudomonarchia Daemonum» Иоганна Вейера 1563 года и посвящённой призывам 72-х духов. В отношении природы этих духов, в своей статье «Инициатическая трактовка Церемониальной магии» (The Initiated Interpretation of Ceremonial Magick) 1903 года, Кроули утверждал следующее:

«Духи Гоэтии являются частями человеческого мозга. Поэтому их печати служат (подобно проекции куба мистера Спенсера⁶⁷) средством стимулирования или регулирования определённых его участков (посредством зрения).»

Примечательно, что в «Книге мёртвых имён» Хэя, в главе о «Заклятии Сфер» (To Conjure of Ye Globes), приводится описание духов тринадцати Сфер Йог-Сотота⁶⁸ и ритуал их призыва.

⁶⁵ Сам Кроули утверждал, что якобы проводил ритуал призыва Хоронзона в пустыне Сахара в 1909 году.

⁶⁶ От греч. “γοητεία”, что значит “колдовство”.

⁶⁷ Имеются в виду слова английского философа Герберта Спенсера о параллелях между свойствами непознаваемого и отображением его в сознании, по аналогии соотношения между геометрическими свойствами куба и его проекцией на боковой поверхности цилиндра. Ср. с тем, что Лавкрафт и Прайс пишут в «Повелителе иллюзий» и «Вратах Серебряного Ключа» о проекции многомерного сверхкосмоса и его обитателей в трёхмерном мире.

⁶⁸ Причудливый же облик самого Йог-Сотота, описываемый Лавкрафтом в рассказе «Ужас в музее» (The Hoggor in the Museum) 1932 года и в дописанном Дерлетом «Притаившемся у порога», как аморфное создание, образованное скоплением огромных переливающихся сфер (globes) и сочащейся из них протоплазмы, по мнению Кеннета Гранта есть не что иное, как воплощение пресловутого Древа Сфирот и его сфер. Об этом он

При этом семь из них в точности соответствуют духам «Гозтии», которых некоторые современные мистики, вслед за Кроули, считают чисто ментальными архетипическими сущностями, проявляющими себя через бессознательное призывающего их. Таким образом, Сферы Йог-Сотота, по своей сути, очень близки к демонам или духам Коронзона, о которых говорил Тайсон, а также ко всему тому, что было сказано о Ктулху и его отродьях, *запертых* в бездне человеческого подсознания. Однако описанные функции Коронзона как стража и проводника близки не столько к самому Йог-Сототу в аспекте Врат, сколько к одному из его воплощений, которым считается Умр ат-Тавиль⁶⁹, описывающийся в рассказе «Врата Серебряного Ключа»:

«И ещё есть те, писал Безумный араб, кто осмелится искать обитающего за Завесой и принять его в качестве проводника, но они были бы более благоразумны, если бы избегали сношений с ним, ибо в «Книге Тота» написано, как высока плата за это. Тем, кто уйдёт, не суждено вернуться вновь, ибо в Бесконечности за пределами нашего Мира обитают Формы тьмы, что пленяют и порабащают. Ночные сказания повествуют о Зле, которое сокрушает Старший Знак, и стаи, что стерегут тайные ходы в гробницах, а также те, кто обитает в них, являются меньшей Тьмой, нежели тот, кто охраняет Врата. Тот, кто в одно мгновение проведёт за грань всех миров, в Бездну безымянных Пожирателей. Он Умр ат-Тавиль, Древнейший, чьё имя означает Продолжатель жизни.

[...]

Эта фигура была ничем иным, как внушавшим страх всему миру, даже когда Ломар поднялся из моря и Крылатые пришли на землю, чтобы обучить людей Знанию Старших. Это был ужасный Проводник и Страж Врат – Умр ат-Тавиль, древнейший, чьё имя означает Продолжатель жизни.»

В основу этого рассказа лёг написанный в 1932 году, в качестве вольного продолжения «Серебряного Ключа» Лавкрафта, «Повелитель иллюзий» (The Lord of Illusion) Эдгара Хоффмана Прайса.⁷⁰ Будучи востоковедом-любителем, Прайс интересовался арабским языком, историей, культурой, литературой, мифологией, и использовал их в своём творчестве. Поэтому не удивительно, что имя созданного им проводника Умр ат-Тавиля (Umr at-Tawil) на арабском⁷¹ буквально значит “продолжение жизни”, а также созвучно с принятым в среде суфийских толкователей «Корана» термином “аль-Та’виль” (al-Ta’wīl), которым называется поиск скрытого символического и мистического смысла в священных мусульманских писаниях. В самом же «Коране», в зависимости от контекста, это слово переводится как “возвращение к истокам”, “толкование” или “толкование снов”. Последнее

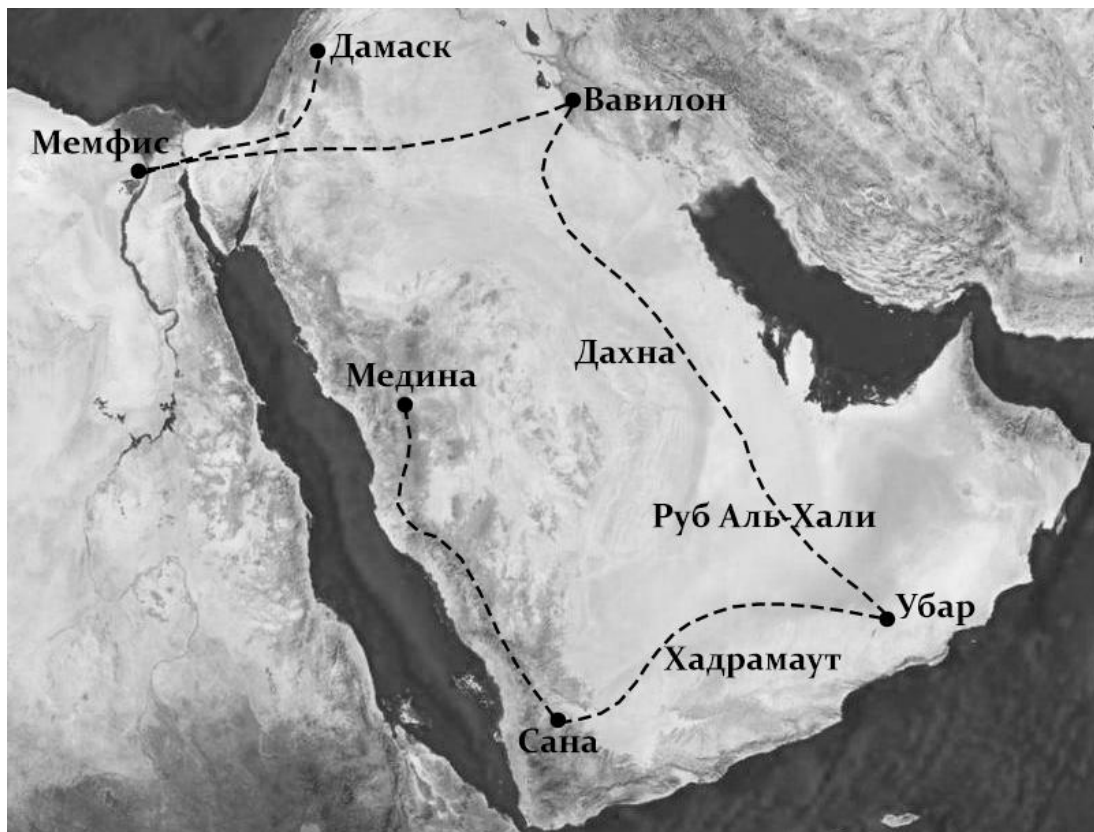
сообщает в своей книге «Вне циклов времени» (Outside the Circles of Time) 1980 года, где также связывает Йог-Сотота с Коронзоном.

⁶⁹ У Лавкрафта о связи между ними прямо не сообщается, а у Прайса Йог-Сотот не упоминается вовсе. Тем не менее, некоторые исследователи, в том числе Даниэль Хармс, считают, что Умр ат-Тавиль когда-то был человеком, который первым прошел через Врата за Грань и слился с Йог-Сототом, став его воплощением, а также духом и хранителем Серебряного Ключа. Это подтверждается описанием Умр ат-Тавиля в образе старца у Прайса, но Лавкрафт переработал его в своём стиле, убрав всякое сходство с человеком.

⁷⁰ В «Повелителе иллюзий» Прайс описал встречу Рэндольфа Картера с Умр ат-Тавилем, путешествие через Врата в многомерный сверхкосмос и перевоплощение в своего предка Джеффри Картера. Лавкрафт же заменил последнего нечеловеческим существом Зкауба, описал его побег с планеты Яддит и возвращение на Землю, переработал некоторые детали, а также вступительную и завершающую сцены. Оба рассказа интересны не только в сравнении между собой, но и по отдельности, как версии продолжения «Серебряного Ключа».

⁷¹ С незначительным изменением “at” на арабский артикль “al”, т.е. “Умр аль-Тавиль” (Umr al-Tawil).

значение наиболее примечательно в свете следующего отрывка всё из того же рассказа Лавкрафта и Прайса, в котором можно заметить намёки на сказанное ранее о роли снов: *«Мир людей и человеческих богов, это всего лишь бесконечно малая часть бесконечно малого существа трёхмерного пространства, к которому ведут первые Врата, где Умр ат-Тавиль навеивает сны Древнейшим.»*

Путешествия Аль-Хазреда⁷²

Продолжив свой путь, араб пересёк пустыню Аль-Дахна и добрался до Вавилона. После взятия легендарного города персами, он оставался их провинцией вплоть до VII века, когда подвергся исламскому завоеванию и со временем пришёл в упадок. Сложно предположить, что араб мог отыскать там, поскольку знания в области математики, медицины, астрономии и астрологии были переняты ещё античными греками и персами, а затем уже и арабскими современниками Аль-Хазреда, которые развили их в своих философских и научных трудах.⁷³ Не было уже никого, кто мог бы читать клинопись на многочисленных осколках вавилонских барельефов и глиняных табличек, но, возможно, странствующему арабу удалось найти потомков халдеев, раскрывших ему такие тайные знания, хранившиеся ими и передававшиеся из поколения в поколение, которые не были известны, ни персидским, ни арабским, ни греческим философам и учёным.

Это путешествие и обретенные в нём знания могли быть связаны с другим Древним, о котором Лавкрафт не сообщает в «Истории Некрономикона» как о Ктулху и Йог-Сототе, но

⁷² Лавкрафт не приводит чёткой последовательности и маршрута путешествий араба, поэтому, изучив расположение указанных им мест и ближайших к ним караванных путей, выстроен наиболее вероятный путь.

⁷³ Многие элементы таких трудов Аристотеля, Птолемея, Пифагора и различных арабских авторов, впоследствии легли в основу Европейского и Западного оккультизма, в том числе пресловутой «Каббалы» и колдовских гримуаров, а также трудов многочисленных оккультистов во всём мире разных лет.

говорит в остальных своих произведениях. Так, в Вавилоне араб мог узнать об Азатоте, однако определить символическое значение этого Древнего и связать его с двумя предыдущими довольно сложно, ведь подобно сакральным мистериям халдеев он окутан тайной и недосказанностью. Впервые его имя встречается в заметке под номером 49 от 1919 года в «Тетради для творческих заметок» Лавкрафта, а позднее используется в качестве названия небольшого философского рассказа, написанного в 1922 году на основе одного из сновидений. Этот рассказ повествует о человеке, удручённом блёклостью старого уродливого мира и ищущим спасения в ярком мире фантазий. Каждую ночь он высовывается из окна своего дома во двор-колодец и всматривается в небольшой кусок чёрного неба, давая имена проплывающим в вышине созвездиям, пока, наконец, звёздная бездна не замечает его: *«В его комнату явились необузданные потоки фиолетовой полночи, сверкающие вихрями золотых пылинок и огня, вырвавшиеся из запредельных пространств, наполненных тяжёлыми благоуханиями запредельных миров. Опиумные океаны разливаются там озаряемые солнцами, которые никогда не созерцали ничьи глаза, а странные дельфины и морские нимфы плещутся в их неведомых глубинах. Безмолвная вечность окружила мечтателя и унесла его прочь, не касаясь тела, что одиноко перекинулось через подоконник. И, в течение дней, что не сосчитать человеческими календарями, волны далёких сфер тихо несли его, вливаясь в потоки других временных циклов...»*

Из сюжета этого рассказа невозможно понять, какова роль Азатота, ведь кроме самого названия Лавкрафт нигде не упоминает его, и даже неясно, был ли он той самой космической силой, что явилась мечтателю. Но позднее, окутывающая этого Древнего завеса таинственности, всё же мельком приоткрывается в повести «Шепчущий во тьме»: *«...и я преисполнился отвращения, когда речь зашла о чудовищном ядерном хаосе за пределами пространства углов, который в «Некрономиконе» был милостиво сокрыт под именем Азатот.»*

Дональд Тайсон, видимо основываясь на словах Лавкрафта о “ядерном хаосе”, в своих «Странствиях Аль-Хазреда» соотнёс Азатота с Солнцем: *«Мудрецы Тигра и Евфрата, знавшие о движении звёзд, расположили Азатота в сфере Солнца, потому что оба они находятся в центре всего, бог в центре творения, а солнце в центре блуждающих небесных тел. Как солнце жаркое и яркое, так и дворец Азатота расположен в месте великого жара, и лицо его ослепляет своим сиянием, что мрачно⁷⁴ мерцает.»*

Тем самым Тайсон не только отвёл Азатоту центральное место в выстроенном им на основе произведений Лавкрафта пантеоне, но и наделил его созидательными и разрушающими качествами солярных божеств:

«Флейта Азатота как создаёт, так и разрушает миры в бесконечных сочетаниях, которые словно танцоры кружатся на полотне времени. Не может быть созидания без разрушения, и нет разрушения без созидания; разрушение чего-то, означает создание чего-то иного, и каждый раз, когда что-то создаётся, что-то разрушается.»

⁷⁴ В оригинале используется слово “darkly”, которое также переводится как “темно” или “загадочно”.

Таким образом, в функциях этого Древнего обнаруживается сходство с Центральным или Чёрным Солнцем Елены Петровны Блаватской, описанным в её «Тайной доктрине» (The Secret Doctrine) 1888 года как незримый творящий и уничтожающий центр Вселенной. Исходя из этого, становится немного ясна суть слов Лавкрафта о вечно “гложащем бесформенном и ненасытном” (gnaws shapeless and ravenous)⁷⁵ Азатоте, который представляется неким сокрытым в самом сердце запредельной бездны источником очищающего огня – всеуничтожающей хаотической силой, что сокрушает и пожирает человеческое эго, освобождая его от страхов, материальных привязанностей, стереотипов и ограничений, аналогично достижению состояния “фана” через растворение личности в изначальной пустоте.

Само же имя Азатот (Azathoth), согласно «Некрономикону» Саймона, происходит от Азаг-Тот (Azag-Thoth), вероятно, связанного с шумерским змеем Асагом (Asag или Azag), который вгрызался в горы, оживлял камни, и был настолько ужасен, что один лишь вид его сеял смерть. Однако Уильям Хамблин в своей статье «Дополнительные комментарии к Некрономикону» выделяет в имени Азатота и возможные арабские корни:

«“Aza” – это лёгкое устное искажение арабского слова “Izzu”, означающего “власть”, “могущество” или “сила”. Имя, написанное на арабском языке, таким образом, будет “Izzu Tahuti”, что означает “Сила Тота”⁷⁶.»

Подтверждением этой этимологической и символической связи может служить также неслучайный эпитет Азатота “демон-султан” (daemon-sultan)⁷⁷, данный ему Лавкрафтом в повести «Сновидческие искания неведомого Кадата»:

«В этих путешествиях были неисчислимые опасности, а также конечная величайшая угроза за гранью упорядоченной вселенной, куда не достают сны, и о которой невнятно шепчут нечто запретное. Тот последний аморфный кошмар в бездне хаоса, который проклинает и пузырится в центре бесконечности – безграничный демон-султан Азатот, имя которого не осмеливаются произнести ни одни губы. Он жадно вгрызается в непостижимое в своих мрачных покаях вне времени, под оглушительный сводящий с ума грохот мерзких барабанов, и пронзительный монотонный визг проклятых флейт.⁷⁸ Нелепые гигантские боги предела отвратительно постукивают в такт, и медленно неуклюже пританцовывают глухие и мрачные Иные боги, чья душа и посланник есть крадущийся хаос Ньярлатхотеп.»

Упомянутый в этом отрывке Ньярлатхотеп (Nyarlathotep), которого Лавкрафт в своём творчестве связывал с Египтом, может быть ещё одним Древним имеющим значение для истории Аль-Хазреда, но не указывающимся в ней непосредственно. Так, из Вавилона араб отправился в египетский город Мемфис, располагавшийся на том же берегу Нила, что и плато Гизы. В былые времена он привлекал к себе огромное количество торговцев и паломников, но в середине VII века был завоёван арабами при омейядском халифе Умаре

⁷⁵ Оригинальное “gnaws” здесь можно перевести и как “грызёт”, “жуёт”, “пожирает” или “терзает”.

⁷⁶ Весьма распространённая версия о египетской этимологии имён Древних в настоящей работе не рассматривается, в силу её несостоятельности. Единственное исключение делается для Ньярлатхотепа.

⁷⁷ Примечательно, что Лавкрафт использует латинское “daemon”, происходящее от греческого “δαίμων” и значащее “дух” или “божество”, что близко к римским “genius” и арабским джиннам, см. прим. 47. Также см. прим. 27 к арабскому слову “sulṭānīn”, которое значит “сила” и подтверждает этимологию Хамблина.

⁷⁸ Хаджес в своей статье пишет – “...его [Иблиса] муэдзин – мизмар; его «Коран» – поэзия...” – имея ввиду арабский духовой музыкальный инструмент, рода зурна, с резким пронзительным звучанием.

ибн Абд Аль-Азизе. А к тому времени, когда его посетил Аль-Хазред, величественный город был разрушен и предан забвению, тем не менее, он провёл там какое-то время, изучая сохранившиеся храмы и некрополи. Возможно, что в подземных гробницах Мемфиса арабу удалось отыскать уцелевшие фрески и папирусные свитки, описывавшие ритуалы и религиозные обряды древнего Египта. Некоторые из них в XVIII-XX веках были включены в практику различными масонскими ложами устава «Мемфис-Мицраим» (Memphis-Misraïm), в том числе британским обществом «Герметический Орден Золотой Зари» (Hermetic Order of the Golden Dawn)⁷⁹, оказавшим огромное, если не основополагающее, влияние на западный оккультизм.

Как следует из названия, это общество связывало себя с герметизмом – философским учением эпохи эллинизма и античности, основывавшимся на работах мудреца Гермеса Трисмегиста, считавшегося воплощением древнегреческого бога Гермеса, в римской мифологии ставшего Меркурием. Согласно Гомеру, в Египте Гермес почитался под именем Тот или Тахути за то, что открыл его народу законы, геометрию, астрономию, магию, числа и письменность. Он также отождествлялся с другим египетским божеством Анубисом, их функции были во многом схожи, оба они выполняли роль проводника душ и хранителя знаний. Наглядным подтверждением этой связи может служить образ Германубиса, имевшего антропоморфное тело греческого Гермеса и голову шакала египетского Анубиса, Блаватская считала его «раскрывающим тайны низшего мира», подразумевая под этим не столько загробный мир, сколько человеческое подсознание. Дональд Тайсон в «Странствиях Аль-Хазреда», объединил функции всех этих божеств в едином образе Ньярлатхотепа, ожидаемо связав его с планетой Меркурий:

«Поскольку он мудрейший из Древних, обманщик, посланник и глашатай этих богов, чародеи Тигра и Евфрата соединили его со сферой Меркурия, самой быстрой планетой и посланником богов Олимпа, тем, кто более всех сведущ в языках и искусстве письма.»

Впервые же Ньярлатхотеп появляется в одноимённом стихотворении в прозе Лавкрафта, написанном в 1920 году на основе сновидения⁸⁰, в котором он якобы получил письмо от своего друга Сэмюэля Лавмена, советовавшего ему повидать Ньярлатхотепа, если тот придёт в Провиденс, «он ужасен – ужаснее всего, что только можно вообразить, – но и прекрасен». О роли этого Древнего в творчестве Лавкрафта С.Т.Джоши замечает следующее:

«Разумеется, Ньярлатхотеп ещё не раз вернётся к нам в других произведениях Лавкрафта, став одним из главных “божеств” его вымышленного пантеона. При этом появляется он в настолько разнообразных формах, что, наверное, невозможно точно или чётко определить, что именно он символизирует; просто сказать, как это уже сделали некоторые критики, что он “оборотень” (на что сам Лавкрафт даже не намекал), – всего лишь признать, что сама его физическая форма не отличается постоянством, не говоря уже об его функциях.»

⁷⁹ В этот Орден были вхожи такие известные и уважаемые Лавкрафтом писатели и поэты, как Артур Мейчен, Эдджернон Блэквуд, Артур Эдвард Уэйт и Уильям Йейтс, его деятельность также оказала большое влияние на творчество Густава Майринка, однако вопрос его членства в Ордене до сих пор не имеет однозначного ответа. Алистер Кроули был ещё одним выходцем из Золотой Зари, он немало поспособствовал в начале XX века развалу Ордена и созданию на его руинах одиозного «Ордена Восточного Храма» (Ordo Templi Orientis).

⁸⁰ Как сообщает сам Лавкрафт, первый абзац рассказа был записан им ещё в полусне.

Но одну из форм Ньярлатхотепа, вместе с присущими ей функциями, всё же можно выделить особо. Так, в повести Лавкрафта «Сны в Ведьмином доме» (The Dreams in the Witch-House) 1932 года он появляется в облике Чёрного человека (Black Man), служащего посланником Древних, распорядителем ведьмовского шабаша, а также хранителем книги и тайных знаний о пространствах за Гранью:

«По ту сторону стола стояла фигура, которую он не видел прежде – высокий худощавый человек с невероятно чёрной кожей, но без единого признака негроидных черт, полностью лишенный волос и бороды, и облачённый в единственное бесформенное одеяние из какой-то тяжёлой чёрной ткани. Его ноги были невидны из-за стола и скамьи, но они, должно быть, были обуты, поскольку издавали стук всякий раз, когда он двигался.

[...]

На полу его смутили отпечатки, как ни странно, ведущие не от двери. Чем больше Гилман смотрел на них, тем более странными они казались, поскольку, в сравнении с теми, в которых он мог узнать свои собственные, эти были небольшими, почти круглыми отметинами, похожими на оставшиеся от ножек большого стула или стола, за исключением того, что они раздваивались.»

Иллюстрация Атте Вэнерберга

Из описания следов, оставленных своеобразной *обувью* Чёрного человека, становится ясно, что ею на самом деле были копыта. Как считается, на этот образ оказал сильное влияние облик Дьявола с копытами и чёрной кожей из традиционного европейского фольклора, перенятый новоанглийскими пуританами и получивший распространение во времена

ведьмовских процессов.⁸¹ Но угольно-чёрная кожа была также особенностью, присущей сильнейшим и мудрейшим из джиннов – Ифритам (‘Ifrit), а обладавший той же чертой Эбоно⁸², описанный в «Grimoigium Imperium», наделил Аль-Хазреда “нечеловеческими знаниями” и провёл его за неведомую Грань. Эта его роль наиболее примечательна в свете того, что Лавкрафт говорит в «Сна в Ведьмином доме» о значении Ньярлатхотепа как Чёрного человека в ведьмовских культах:

«Старые легенды туманны и неоднозначны, в былые времена все попытки пересечения запретных граней казались невозможными, и связывались с противоестественными и страшными союзами с существами и посланцами извне. Одним из таковых выступал посланник скрытых и страшных сил – “Чёрный человек” из ведьмовского культа, или “Ньярлатхотеп” из «Некрономикона».

[...]

Он должен встретиться с Чёрным человеком и отправиться с ним к трону Азтота в средоточии предельного Хаоса. Вот что она сказала. Он должен расписаться своей кровью в книге Азтота и взять новое тайное имя, раз уж его поиски зашли так далеко.»

В схожей роли Ньярлатхотеп выступает и в «Сновидческих исканиях неведомого Кадата», именно его встречает главный герой повести сновидец Рэндольф Картер в Кадате, откуда затем отправляется верхом на ящероподобной птице Шантак (Shantak) к трону Азатота: *«Вперёд непоколебимо и неумолимо, под истерический хохот, в который превратилась песнь ночи и небесных сфер, жуткий чешуйчатый монстр нёс беспомощного всадника. Он мчался, рассекая небосвод, прямоком во внешние бездны, оставляя позади звёзды и материальные пространства. Устремлялся словно метеор сквозь бесформенный абсолюте, к неизведанным областям за пределами времени, где чёрный Азатот, аморфный и ненасытный, гложет окружённый сводящими с ума ударами мерзких барабанов и пронзительными монотонными завываниями проклятых флейт.»*

Это путешествие также обыгрывается Лавкрафтом в XXII сонете из цикла «Грибов с Юггота» под названием «Азатот». Однако если в «Сновидческих исканиях неведомого Кадата» Картер так и не достиг намеченной ему Ньярлатхотепом цели, испугавшись и держась за материальный мир, свои мечты и воспоминания о детстве, то в рассказах «Серебряный Ключ», «Повелитель иллюзий» и «Врата Серебряного Ключа» он прошёл путь до конца. Открыв Врата при помощи Серебряного Ключа, Картер встретил проводника Умрат-Тавиля и пересёк Грань, а лежащая за ней сила многомерного сверхкосмоса (super-space)⁸³ растворила его личность в своей бесконечной пустоте, дав понимание единства всего времени и того, что он является лишь одним из множества воплощений многомерного сверхсущества.⁸⁴ Но что это был за Серебряный Ключ, при помощи которого Картер пересёк Грань? В «Повелителе иллюзий» Прайс отмечает его чисто символическую роль⁸⁵:

⁸¹ Подробнее о его происхождении см. заметки «Compendium Infernalis» Noctivigator.

⁸² Само имя “Эбоног” созвучно с англ. “ebony”, что значит “эбеновый” или “чернокожий”.

⁸³ Лавкрафт соотносит эту силу с Йог-Сототом, однако многие мистики, основываясь на этимологии имён и присущих Древним функциях, считают Йог-Сотота и Азатота олицетворениями взаимосвязанных процессов и явлений: Йог-Сотота – бесконечным сверхкосмосом, а Азатота – его центром, аналогично Чёрному Солнцу. В связи с этим в «Книге мёртвых имён» Хэя говорится: «*Душа Азатота обитает в Йог-Сототе...*»

⁸⁴ Прайс, очевидно, развил это представление из рассказа Лавкрафта «За стеной сна» 1919 года.

⁸⁵ Согласно рассказу Блоха «Безликий бог» (The Faceless God) 1936 года, атрибутом Ньярлатхотепа был жезл увитый змеями, аналогичный Кадущею Гермеса, который служил грекам и римлянам в качестве символа глашатаев, а в оккультизме наделялся значением ключа, отворяющего предел между жизнью и смертью.

«Человек правды за гранью Добра и Зла, – произнёс громкий голос, что наполнял своды, – Человек Истины узнал, что иллюзия единственная реальность, и что материя ложна. Очертания врат теперь были видны очень чётко. Картер наконец понял, что Ключ был символом, а не тем, что открывает какой-то замок...»

Эта ремарка Прайса особо примечательна в контексте «Снов в Ведьмином доме», главный герой которых Уолтер Джилмен также был одержим Ключом открывающим путь за Грань, но искал его в областях науки граничащих со сферой трансцендентного⁸⁶:

«Профессору Анхэму особенно понравилось его виденье связи высшей математики с определёнными степенями магического знания, передаваемого на протяжении веков из невыразимой древности, человеческой или дочеловеческой, когда представления о космосе и его законах были глубже, чем наши.»

И поиски Гилмана, как и Рэндольфа Картера, привели его через сны к Ньярлатхотепа, роль которого, в качестве Привратника и Проводника, а также Ключа открывающего Врата за Грань, близка к ранее описанным Коронзону и Умр ат-Тавилу. Того же мнения придерживается и Билл Уиткомб в своей книге «Магический помощник» (The Magician's Companion) 1993 года, и к схожему выводу приходит Уильям Хамблин, рассматривая этимологию имени Ньярлатхотепа в «Дополнительных комментариях к Некрономикону»: *«Имя является сокращением от “Ny har rut hotep”, что значит “нет мира (безопасности, покоя) у врат”. Символизм этого эпитета, по-видимому, заключается в том, что Ньярлатхотеп, в роли посланника Старших Богов, является “вратами” между плоскостями или между измерениями, по крайней мере, как это представляли себе древнеегипетские культисты.»*

Исходя из этого, можно предположить, что древнеегипетские ритуалы, тексты и изображения которых Аль-Хазред отыскал в катакомбах Мемфиса, служили своего рода Ключом к Вратам за Грань, в бездну человеческого подсознания к трону Азатота, который должен очистить путника, уничтожив его эго и материальные привязанности, и позволить ему осознать себя частью космического сверхсущества, что, согласно Прайсу и Лавкрафту, сродни безумию:

«Ни смерть, ни обречённость, ни страдания, не могут вызвать абсолютного отчаяния, которое исходит из потери индивидуальности. Слияние с пустотой, это мирное забвение; но осознавать бытие, и вместе с тем понимать, что больше не являешься единственным существом, отличающимся от других существ, что больше нет личности, это неведомая вершина агонии и ужаса.»

Таким образом, этот путь духовного гнозиса, подобно поучениям в суфийских притчах, оказывается скрыт за описанными в произведениях Лавкрафта историями о путешествиях Аль-Хазреда и других искателей тайных знаний, наполненных символическими образами Древних, чьи имена, согласно Хамблину, есть искажённая транслитерация арабских названий духовных практик и достигаемых в них состояний, а необычный облик – не что

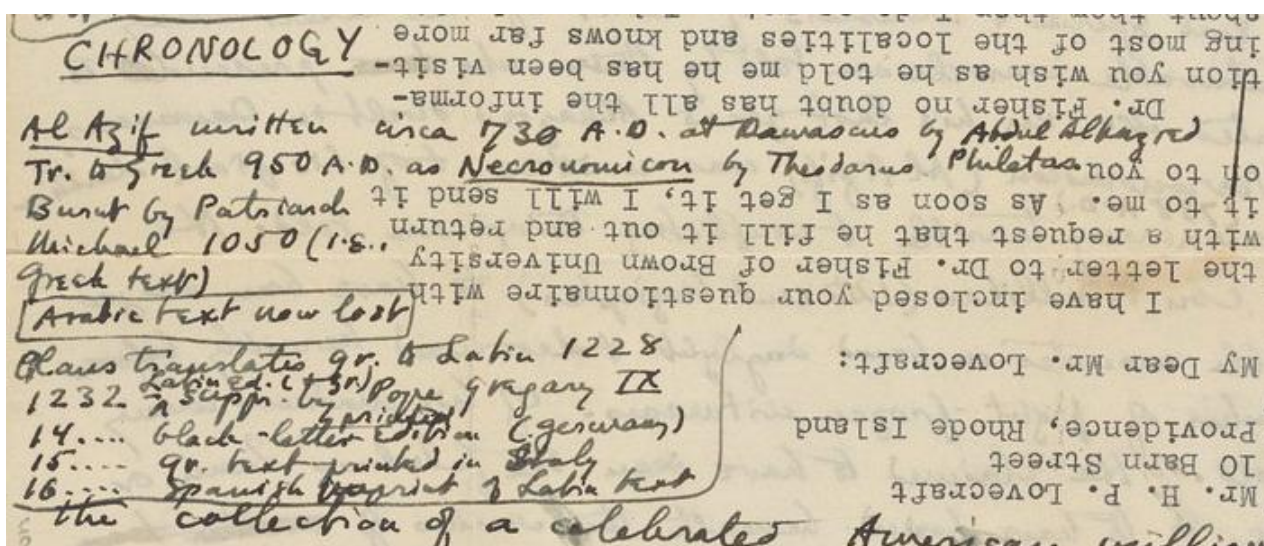
⁸⁶ Лавкрафт, как сообщают биографы, упорно отказывался принимать теории квантовой физики, считая принципиально невозможным осознание человеком процессов, происходящих во Вселенной. Тем не менее, в этой повести он затрагивает некоторые из её аспектов и прямо приписывает Гилману занятия вопросами квантовой физики, высшей математики и неевклидовой геометрии, хотя и отмечает безрассудство совмещения их с древними преданиями, называя это серьёзным испытанием для разума.

иное, как сверхъестественные формы джиннов, которые, возможно, выступали в роли “духовных учителей” араба, ведь на их тесную связь, в том числе, возможно, и кровную, намекал сам Лавкрафт.

V. Последний пророк джахилии

Наделённый сакральными знаниями, Аль-Хазред отправился из Египта в своё последнее путешествие, впрочем, нет сомнений, что совершённых им странствий было гораздо больше, чем те, о которых упоминает Лавкрафт. Так, наконец, араб прибыл в Дамаск, столицу Омейядского халифата. Правившие в период с 661 по 750 годы его халифы поощряли научное и философское развитие, отличаясь большой терпимостью к инакомыслящим, в связи с чем правоверные мусульмане часто обвиняли их в мирском и даже нечестивом образе жизни, неподобающем для наместников Аллаха. И то, что Омейяды противились правлению потомков Мухаммеда, придя к власти после расправы над Али ибн Абу Талибом⁸⁷, в итоге привело к восстаниям и свержению династии Аббасидами в 750 году, с убийством практически всех её членов.

Но, ещё задолго до этого, в период с 724 по 743 годы у власти находился десятый Омейядский халиф Хишам ибн Абд Аль-Малик, скупой и тяжелохарактерный, он обложил своих подданных непомерными налогами, отменёнными его предшественником и шедшими на снабжение войск, участвовавших во множестве завоевательных войн. Хишам не отличался особой приверженностью к исламу, поэтому очевидно, что именно при его правлении оказалось возможным появление на свет книги «Аль-Азиф» Аль-Хазреда, которая, как и большинство арабских трудов по религии и мистицизму V-VII веков, была написана поэтическим языком, но при переводе на греческий в 950 году она утратила эту особенность, как и оригинальное название, указывавшую на принадлежность арабского автора к порицаемым в мусульманском мире поэтам, вдохновляемым джиннами и близким к прорицателям. Приблизительная дата её написания, а это 730 год, приводится в «Хронологии» всё того же эссе «История Некрономикона».

Хронология из «Истории Некрономикона» Лавкрафта, 1927 год

⁸⁷ Последний из четырёх праведных халифов и первый имам, живший в 599-661 годах, двоюродный брат пророка Мухаммеда, унаследовавший от него языческую реликвию меч Зульфикар с раздвоенным лезвием.

Но «Аль-Азиф» был не единственной работой араба, и хотя Лавкрафт ничего не сообщает о других, в «Случае Чарльза Декстера Варда» он упоминает некую седьмую книгу Аль-Хазреда⁸⁸, что указывает на существование и прочих его трудов. Однако именно «Аль-Азиф» стал последним и самым главным из них. В этой книге араб не просто собрал все полученные им знания, но и завещал их своим последователям как Ключ к Вратам за Грань, отчего его роль приобретает поистине пророческое значение, ведь не случайно именно араба Дерлет назвал в своём одноимённом рассказе Хранителем Ключа. И, тем не менее, спустя восемь лет после написания книги Аль-Хазреду было суждено умереть:

«...он был схвачен невидимым чудовищем средь бела дня и пожран перед застывшими в ужасе людьми.»

Вероятно, что под “невидимым чудовищем” здесь подразумевается джинн, в связи с чем Райан Паркер в своём «Аль-Азиф» приводит следующую цитату из работы Андре Тура «Мухаммед: Человек и его Судьба» (Mohammed: The Man and His Faith) 1936 года:

«Арабский поэт был брошен на землю джинном...»⁸⁹ Для наблюдателя это нападение казалось падением на землю, где жертва корчилась в судорогах, как если бы его сразила невидимая рука. Но сама жертва переживала приступ буквально как нападение, при котором что-то душило и давило на него, словно демон. Временами ему казалось, что его тело разрезают на куски или пронзают.»

Это описание весьма близко к тому, что даёт Лавкрафт в «Истории Некрономикона» и говорит в «Ужасе Данвича» о невидимой деснице Древних, душасей людей, рушащей города и валящей леса. Но он не сообщает ничего о том, что послужило причиной такой страшной участи, постигшей Аль-Хазреда? Ответ на этот вопрос можно найти в «Хранителе Ключа» Дерлета, который обращается к мотиву вознесения пророков:

«Легенда гласит, что он был схвачен невидимым чудовищем средь бела дня и пожран перед множеством свидетелей, эта история была описана в XII веке Эбн Халликаном. Но куда вероятнее, что пожирание было иллюзией, и он был перенесён сюда [в Безымянный город], чтобы подвергнуться наказанию и смерти за его безрассудство в раскрытии тайн Древнейших.»

Но была ли гибель араба в действительности такой, как её описывают Лавкрафт и Дерлет? Куда вероятней, что за этим сверхъестественным эпизодом скрывается всего лишь обросший легендами процесс смертной казни Аль-Хазреда, его четвертования или обезглавливания.⁹⁰ Ведь основным методом казни в мусульманских государствах, согласно законам шариата, было именно обезглавливание, которое совершалось публично, чаще всего на центральной городской площади. Однако сложно предположить, почему араб впал в немилость халифа

⁸⁸ В оригинале “Abdool Al-Hazred his VII. Booke”, подражая староанглийской манере письма, Лавкрафт намекает либо на то, что «Некрономикон» араба состоял из нескольких книг, либо на книгу предшествовавшую ему. Согласно некоторым источникам, в разные годы Аль-Хазредом были написаны такие стихотворения, как «Песнь моего Сердца», «Поэмы для Принца», «Бич» (Al Jeldah), «Сказка Гуля» и «Грёзы Чёрного Лотоса».

⁸⁹ Согласно Томасу Хаджесу, джинны Си'лат (Si'lat) отличались особой любовью к издевательствам над людьми, они овладевали, мучили, заставляли плясать и “играли с ними как кошка с мышкой”.

⁹⁰ Говоря о смерти Аль-Хазреда, Хармс и Гонс в «Архивах Некрономикона» упоминают некую “страшную историю о магическом расчленении” из «Пикатрикса» (Picatrix). Но что это за история непонятно, поскольку в книге приводятся рецепты использования частей человеческих тел в магических целях, что вряд ли могло натолкнуть Лавкрафта на эпизод гибели Аль-Хазреда, тем более что с «Пикатриksom» в полной мере он знаком не был, лишь читал о нём в книге Линна Торндайка «История магии и экспериментальной науки».

Хишама, было ли это связано с его книгой или же причина куда прозаичней, поскольку ничего неизвестно о его жизни и занятиях в Дамаске. Но Тайсон в «Странствиях Аль-Хазреда» сообщает, что жители города считали араба злым колдуном, а преступлениями, наказанием за которые грозила смертная казнь, считались вероотступничество, богохульство и занятие колдовством. Это и могло вменяться в вину Аль-Хазреду из-за его не просто еретической, но, как говорил Лавкрафт, ужасающей и кошунственной книги. Так оборвалась жизнь последнего пророка джахилии, чья гибель, за его дела и убеждения, придаёт особое значение словам Тайсона:

«И его собственная плоть стала последним подношением тёмным богам, которым он поклонялся.»

Иллюстрация Рубена С.Додда

Согласно Лавкрафту араб умер в 738 году, а Дерлету в 731-ом, в «Тексте Р'лиех» также говорится, что его смерть сопровождалась солнечным затмением, длившимся девять дней. Однако в 738 году полное затмение наблюдалось только над тихоокеанским побережьем Азии и Америки, с территории же Аравии солнечное затмение такого типа могло наблюдаться лишь 1 марта 732-го, а также частичное 1 апреля 740 года. Возможно, что это указывает на необходимость поправки даты смерти Аль-Хазреда на 732-ой или 740 год. Но, как было отмечено ранее, его гибель сопровождали песчаные бури, которые могли не только заслонять солнце, но и продолжаться до нескольких дней, поэтому нет необходимости менять данную Лавкрафтом дату смерти араба.

Что же касается возраста Аль-Хазреда на тот момент, то Лавкрафт не сообщает ничего конкретного, говоря лишь, что он написал свою книгу, уже будучи “в преклонных годах”. Учитывая продолжительность жизни того времени, можно предположить, что араб погиб в возрасте 73 лет, следовательно, на момент написания книги ему было 65-ть, до этого он около 30 лет прожил в Дамаске, куда прибыл уже после 700 года, а перед этим основная

часть его путешествия заняла 10 лет, значит родную Медину араб покинул в 690 году, в возрасте 25 лет, или же раньше. Таким образом, его приблизительной датой рождения мог быть 665 год, или 45 год хиджры по исламскому календарю, именно эту дату приводит Даниэль Хармс в «Энциклопедии Мифов Ктулху». Но, не зная точного возраста араба на момент смерти, утверждать этого, разумеется, нельзя, лишь с уверенностью сказать, что родился он в середине или второй половине VII века.

Примечательно, что говоря о смерти Аль-Хазреда, Лавкрафт и Дерлет ссылаются на арабского историка и биографа Ибн Халликана⁹¹, автора обширного труда «Некрологи знатных лиц и заметки об их современниках» (*Wafayāt al-a'yān wa-anbā' abnā' az-zamān*). В нём упоминаются различные выходцы из племени Хазраджитов, но, ни один из них не имеет явного сходства с Аль-Хазредом, за исключением поэта Абу Хазра Джарира⁹² (*Abu Hazra Jarir*), само имя которого созвучно с именем Абдул Аль-Хазраджи. Родившийся в 650 году, он происходил из рода Бану Кулейб ибн Ярбуа племени Тамим, обитавшем на территории Ямама, что к востоку от пустыни Аль-Дахна. Подобно Аль-Хазреду, Джарир прославился своими поэмами, элегиями, сатирами и стал придворным поэтом полководца Абу Аль-Хадждаджа ибн Юсуфа. Он также совершил путешествие в Дамаск, где был тепло принят Омейядским халифом Умаром, предшественником халифа Хишама, и стал единственным поэтом, получившим его благословение. Скончался же Джарир в Йемене, но точная дата его смерти неизвестна, в различных источниках указывается 728-ой, 732-ой или 733 год.

Таким образом, можно заключить, что Аль-Хазред является всего лишь литературным вымыслом Лавкрафта, но, очевидно, имеющим реальный исторический прообраз. Тем не менее, неясными до сих пор остаются два важных вопроса, а именно, какое влияние сказки «Книги тысяча и одной ночи» оказали на образ араба, и почему он, с такой краткой, но содержательной биографией, имевший огромное значение для творчества Лавкрафта, так и не стал его полноценным персонажем?

Так, самым ранним источником знаний и вдохновения для Лавкрафта послужила внушительная библиотека его деда по материнской линии Уиппла Ван Бюрена Филлипса, умершего в 1904 году, но успевшего заменить будущему писателю отца и оказать значительное влияние на становление его интересов к науке и литературе. Ещё при жизни энергичный и предприимчивый, но не всегда успешный, как сообщает Де Камп в «Биографии Лавкрафта», Филлипс успел вступить во все организации Провиденса, в том числе стать «видным масоном».⁹³ В связи с чем, некоторые исследователи, как тот же Райан Паркер, высказывают довольно смелое предположение, что в библиотеке деда Лавкрафт мог отыскать некую редкую книгу или даже рукописный манускрипт, посвящённый арабской мифологии, философии и магии.⁹⁴ Однако неизвестно, были ли в библиотеке Уиппла хоть какие-то книги, относившиеся к оккультизму и магии, поскольку большинство масонских

⁹¹ Хотя и делают при этом ошибку, относя его к XII веку. В действительности же Ибн Халликан родился в 1211-ом и умер в 1282 году, т.е. в XIII веке. И это не единственный анахронизм в «Истории Некрономикона».

⁹² В современных энциклопедиях упоминается под именем Джарир ибн Атия, что происходит от арабского глагола «джарра» — тащить, тянуть, таскать.

⁹³ Подробнее об этом см. в статье «Масонский след Лавкрафта».

⁹⁴ Предположение Прайса, впрочем, не безосновательно, поскольку в повести Лавкрафта «Случай Чарльза Декстера Варда», владевший богатой библиотекой Джозеф Карвен скрывал в ней запретный «Некрономикон» под обложкой «Qanoon-e-Islam», см. прим. 13 в статье «Тайна Грозного старика».

лож США являлись аналогами английских джентльменских или деловых клубов, лишь с некоторым налётом мистической атмосферы и атрибутики.

Не было подобных книг и у самого Лавкрафта, о чём свидетельствует, как изданный С.Т.Джоши в 2012 году «Каталог библиотеки Лавкрафта» (Lovecraft's Library: A Catalogue), так и его собственный библиотечный список, приведённый в письме Роберту Блоху от 1 июня 1933 года, а также эссе «Сверхъестественный ужас в литературе», которое представляется довольно подробным перечнем литературы в жанре *ужаса*, прочитанной писателем к 1934 году. Более того, как отмечает Хармс в «Архивах Некрономикона», знания Лавкрафта в области оккультизма носили крайне поверхностный и энциклопедический характер. Так, использованные им в творчестве материалы были почерпнуты, к примеру, из «Истории магии и экспериментальной науки» (History of Magic and Experimental Science) Линна Торндайка 1923 года, «Ведьмовского культа в Восточной Европе» (The Witch-Cult in Western Europe) Маргарет Мюррей 1921 года, «Энциклопедии Оккультизма» (An Encyclopaedia of Occultism) Льюиса Спенса 1920 года, «Книги чёрной магии и договоров» (The Book of Black Magic and of Pacts) Артура Уэйта 1898 года, «Золотой ветви» (The Golden Bough) Джеймса Фрезера 1890 года, «Писем о демонологии и колдовстве» (Letters on Demonology and Witchcraft) Вальтера Скотта 1830 года, «Magnalia Christi Americana» Коттона Мэзера 1702 года, и в особенности из «Британской энциклопедии».

Большинство же других упоминаемых писателем книг по оккультизму относились скорее к художественной, исторической и мифологической литературе, нежели к действительно оккультной. О своих “ужасающе скудных” (appallingly ignorant) знаниях в этой области Лавкрафт с сожалением признаётся в письме К.Э.Смиту от 9 октября 1925 года:

«Нет, я никогда не читал ничего из так называемого “оккультного”, поскольку всегда думал, что странные истории более эффектны, если удаётся избежать банальных суеверий распространённых культов и текстов заклинаний.

[...]

Знаете ли вы о каких-нибудь хороших работах по магии и тёмным мистериям, которые могут дать подходящие идеи и формулы заклинаний? Например, есть ли хорошие переводы всяких средневековых описаний некромантических призывов духов, инвокаций Люцефера, и прочего подобного? Однажды я слышал много имён – Альберт Великий, Элифас Леви, Николас Фламель и пр. – но о большинстве из них мои познания ужасающе скудны. Я знаю, что вам должно быть известно больше. Не сейчас, но в будущем, я был бы благодарен вам за более-менее краткий список магических книг, античных и средневековых, на английском или в переводе на английский язык.»⁹⁵

Тем не менее, именно в библиотеке своего деда Лавкрафт отыскал настоящую “лампу Аль-Хазреда”, которой оказалась «Книга тысяча и одной ночи» (Kitāb 'Alf layla wa-layla). Согласно его воспоминаниям, это было издание под редакцией Эндрю Лэнга, что

⁹⁵ В этом же письме, упоминая свой новый рассказ «Кошмар в Ред-Хуке» (The Horror at Red Hook), Лавкрафт подмечает, что использованные им тексты заклинаний были позаимствованы из статьи о магии и демонологии девятого тома «Британской энциклопедии», и сетует, что “хотел бы использовать менее очевидные источники, если бы знал о таковых”.

маловероятно, поскольку оно вышло только в 1898 году, когда юному писателю⁹⁶ исполнилось восемь лет, в то время, как с книгой он познакомился в возрасте всего пяти лет. Поэтому, как считает Джоши, вероятнее всего Лавкрафт читал издание в переводе Эдварда Лейна, опубликованное ещё в 1840 или 1859 году. Но всё же, куда важнее то, какое влияние оказали на него эти сказки, ведь именно они ввели его в царство фантазий о путешествиях и приключениях, наполненных мистической атмосферой Востока, джиннами и магией, о чём он вспоминает в письме⁹⁷ Роберту Говарду от 16 января 1932 года:

«Опять же, сколько юных мечтателей-арабов породили «Арабские ночи»? Мне это известно, ведь в возрасте пяти лет я сам был одним из них! Тогда я ещё не познакомился с греко-римскими мифами, но нашёл в «Арабских ночах» Лэнга врата в сверкающие просторы чудес и свободы. Именно тогда я придумал себе имя Абдул Аль-Хазред и заставил мать отвезти меня во все магазинчики Восточного антиквариата, чтобы устроить арабский уголок в моей комнате. Если бы я не узнал о греко-римской мифологии сразу же после этого, то мои мечты остались бы связаны с Багдадским халифатом. Как бы то ни было, я всё ещё сохраняю эту связь и ощущаю некоторую привычность в сарацинском искусстве, в то время как другие Восточные направления кажутся мне совершенно чуждыми. В крестовых походах я часто выступал на стороне сарацин, а не своих кровных предков, поскольку не были ли сарацины родственниками моих старых друзей Харуна Аль-Рашида, Али-Бабы, Нуредина и других?»

В «Архивах Некрономикона» Гонс обращает внимание на то, что из сказок «Книги тысяча и одной ночи» Лавкрафт узнал куда больше о магии арабского мира, чем смог осознать, ведь истории, представленные в ней как вымышленные, в другой средневековой арабской литературе преподносились как повествования о реальных событиях:

«Существовал целый жанр средневековой мусульманской литературы, называемый “чудесными сказками” (ajā’ib)⁹⁸, в котором целые книги были составлены из фантастических рассказов, представленных в качестве документальной литературы. Частично из путешествий, частично из исторических трактатов, а частично из гримуаров, эти книги представляли собой маловероятные сведения о чудесах Египта и Индии, о дальнем космосе, циклопических памятниках и исчезнувших цивилизациях древности, о магии и магической силе камней, растений и животных. Многие из чудес, первоначально описанных в документальных работах по магии и космологии, в конечном счёте нашли отражение в «Ночах».»

И всё же, осознано или нет, но Лавкрафт ощущал эту глубокую значимость сказок «Книги тысяча и одной ночи», ведь в своей «Исповеди неверующего» он сообщает, что в пятилетнем возрасте принял их как наиболее привлекательные для него умозрения. И, как верно замечает Гонс, возникшие ещё в детстве, они остались для Лавкрафта “одержимостью на всю

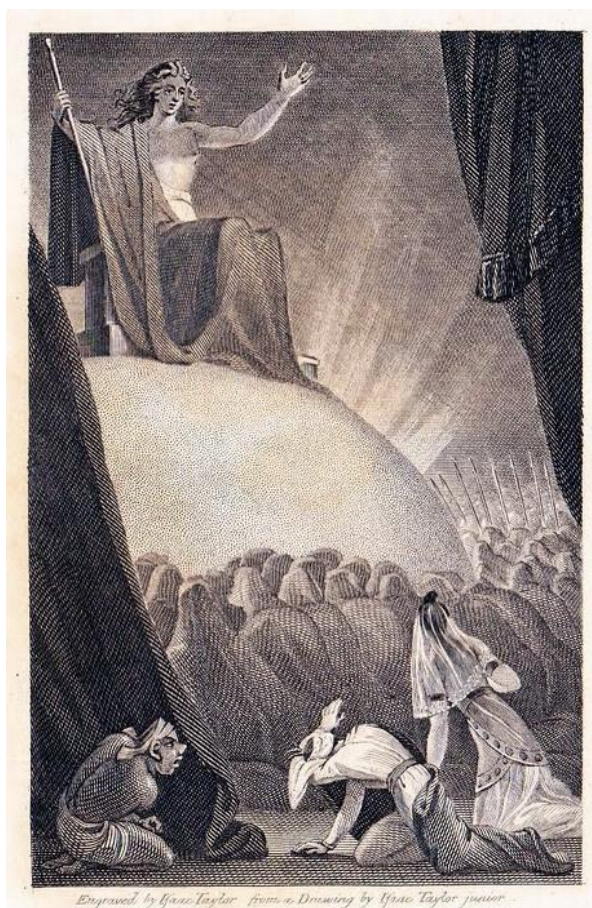
⁹⁶ На тот момент Лавкрафт уже попробовал свои силы в сочинительстве, написав несколько коротких историй. Из них сохранились лишь «Маленькая стеклянная бутылка» (The Little Glass Bottle) 1897 года, «Потайная пещера» (The Secret Cave) и «Тайна кладбища» (The Mystery of the Grave-Yard) 1898 года.

⁹⁷ В нём Лавкрафт рассуждает о “естественном бунте человека против привычного и обыденного”, проявляющемся в неосознанном стремлении читателя к отождествлению себя с персонажами, являющимися его противоположностью.

⁹⁸ Английское “marvel tales” Гонса здесь не совсем точно, поскольку арабское “аджа’иб” понималось как “диковинки древности” или “чудеса творения Аллаха”. Более подробно об этом направлении Восточной литературы можно узнать из книги «Аджа’иб ад-Дунйа» под редакцией Л.П.Смирновой 1993 года.

последующую жизнь”, подтверждением чему могут служить как многочисленные мотивы сказок в его творчестве, так и книги в его библиотеке. Помимо самой «Книги тысяча и одной ночи» в издании Лэнга, подаренной уже позднее матерью, у Лавкрафта имелись основанные на ней «Сказки духов» (The Tales of the Genii) сэра Чарльза Морелла 1785 года, а также томик «Халифа Харун Аль-Рашида и сарацинской цивилизации» (The Calif Haroun Alraschid and Saracen Civilization) Эдварда Генри Палмера 1880 года.

Ещё одной книгой в библиотеке Лавкрафта была готическая повесть «Ватек» (Vathek) Уильяма Бекфорда, написанная в 1782 году и рассказывавшая о путешествии нечестивого халифа Ватека⁹⁹ в подземный мир Иблиса, в поисках чудесных сокровищ, сверхъестественной власти и наслаждений. Лавкрафт прочёл её в 1921 году, в английском переводе Семуэля Хенли, из примечаний которого почерпнул слово “азиф”, и впоследствии посвятил повести несколько абзацев в своём эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»: *«Бекфорд, хорошо знакомый с восточным романтизмом, уловил его атмосферу с необычайной восприимчивостью; и в его фантастическом томе очень сильно отразилась высокомерная роскошь, лукавая лесть, вкрадчивая жестокость, утончённое коварство, и мрачный сверхъестественный ужас сарацинского духа.»*

Ватек у трона Иблиса, иллюстрация к изданию 1815 года

Повесть Бекфорда, очевидно, сумела напомнить Лавкрафту о том, как сильно мистический дух сказок «Книги тысяча и одной ночи» некогда пленил его юный ум и стал “воротами в

⁹⁹ Его прообразом послужил реальный аббасидский халиф Аль-Ватик (al-Wāthiq), живший в 812-847 годах.

сверкающие просторы чудес и свободы”, ведь в одном из писем Ф.Б.Лонгу он так описывает нахлынувшую на него ностальгию:

«Я не посчитаюсь ни с одним современным критическим каноном, но откровенно проскользну назад сквозь столетия и стану творить миф с детской непосредственностью, которой в наше время не пытался достичь никто, кроме раннего Дансени. Я уйду из мира, в котором пишу, сосредоточив разум не на литературных обычаях, а на снах, что снились, когда мне было лет шесть – снах, которые последовали за моей первой встречей с Синбадом, Аджибом, Бабой-Абдаллахом и Сиди-Нонманом.»

Тогда же Лавкрафт сочинил рассказ «Безымянный город», а также задумал написать причудливый роман в напоминающей восточную сказку манере «Ватека», одним из персонажей которого, возможно, и должен был стать безумный арабский поэт Аль-Хазред. О сюжете этой задумки можно составить лишь общее представление, обратившись к заметке под номером 61 в «Тетради для творческих заметок» Лавкрафта:

«Страшное паломничество в поисках сумрачного трона¹⁰⁰ дальнего демона-султана Азатота.»

И роман был начат, в основу вступления легло одно из сновидений Лавкрафта, уместившееся всего в 500 слов. Но дальше, по каким-то неизвестным причинам, работа продолжена не была, и это короткое вступление увидело свет как самостоятельный рассказ, озаглавленный «Азатот». Однако позже Лавкрафт всё же воплотил свой замысел в повести «Сновидческие искания неведомого Кадата»¹⁰¹, которую Джоши справедливо назвал его “духовной автобиографией”. Но в ней так и не нашлось места Аль-Хазреду, если не считать намёков на него в образе самого главного героя Рэндольфа Картера, и пары купцов, с которыми ему приходится столкнуться. Но куда больше эти два купца имеют общего с коварным Гяуром (Giaour)¹⁰² из повести Бекфорда, джинном-привратником царства Иблиса, пришедшим к халифу Ватеку под видом индийского купца:

«Несчастный халиф, с разгорячённым ненасытным любопытством, расточал свои обещания в крайнем изобилии. Тотчас небо озарилось, и в свете пылавших планет Ватек узрел разверзшуюся землю, где на краю огромной чёрной пропасти располагались эбеновые врата, перед которыми стоял чернокожий индеец, державший в руке Золотой ключ и позвякивавший им по замку.»

В эбеновых вратах, золотом ключе и роли чернокожего джина как привратника сложно не заметить всего того, о чём говорилось в предыдущей части. Однако были ли купцы Лавкрафта действительно вдохновлены Гяуром, неизвестно, что, впрочем, не столь важно, поскольку и они, и сам Аль-Хазред являются примерами архетипического для творчества Лавкрафта образа старика-отшельника или старика-колдуна якшающегося с нечистой силой.¹⁰³ Однако в случае араба, как отмечает Джон Гонс, со ссылкой на «Спутник Арабских

¹⁰⁰ Фразу “the nighted throne” здесь можно перевести и как “ночного трона”, что указывает на сновидческий характер его поисков.

¹⁰¹ Впрочем, некоторые мотивы он успел воплотить ещё в «Белом корабле» (The White Ship) 1919 года, «Селефансе» (Celephaïs) 1920 года, и других рассказах, написанных в дансенинском духе.

¹⁰² Имя образовано от “gävrur”, турецкого прочтения арабского слова “kāfir”, что значит “неверный”.

¹⁰³ Подробнее об этом см. статью «Тайна Грозного старика».

ночей» (The Arabian Nights: A Companion) 1994 года писателя арабиста Роберта Ирвина Грэма¹⁰⁴, его образ берёт своё начало во всё тех же сказках «Книги тысяча и одной ночи»: *«Как отмечает Роберт Ирвин, средневековый исламский колдун был, прежде всего, человеком с книгой.»* Формирующее влияние «Ночей», несомненно, вызвало в воображении Лавкрафта увлечение древними книгами заклинаний и убеждение, что такие подёрнутые тленом фолианты были необходимы для могущественного колдовства. В сказке «Джудар и его братья» колдуны Магриба ссорятся из-за гриммуара под названием «Сказания Древних»¹⁰⁵, *“подобного которому нет в мире... ибо в нём сказано обо всех скрытых сокровищах земли и раскрыты всякие тайны.”* Не может быть никаких сомнений в том, что исламские волшебники, встреченные Лавкрафтом в «Ночах», стали вымышленными прообразами его выдуманного Абдул Аль-Хазреда, и что их легендарные книги заклинаний были вымышленными прообразами его также выдуманного «Некрономикона».»

Всё это подтверждает силу и глубину влияния сказок «Книги тысяча и одной ночи» на увлечения Лавкрафта, его творчество и непосредственно сам образ араба, именно они и схожие с ними по духу сборники историй стали для писателя настоящей лампой Аль-Хазреда. А предположение Паркера, хоть отчасти и верное, является всего лишь домыслом, служащим одной единственной цели – простого ответа на вопросы, которым посвящены его «Сведения о Некрономиконе» и вся настоящая работа, во многом продолжающая их курс. Акцентируя внимание на мотивах арабской мифологии в творчестве Лавкрафта, и затрагивая такие сферы, как биографическую, литературную, историческую и метафизическую, она является подробным исследованием роли Аль-Хазреда в жизни, творчестве и наследии Говарда Лавкрафта. Чему в его биографиях, как правило, посвящено лишь несколько абзацев, а большинство статей и публикаций на эту тему, за редким исключением, оказываются откровенным художественным вымыслом и грубой фальсификацией.¹⁰⁶

¹⁰⁴ Впервые дебютировал в 1983 году с романом «Арабский кошмар» (The Arabian Nightmare), в дальнейшем его успеха писателю повторить так и не удалось, но другие его работы были посвящены сказкам «Книги тысяча и одной ночи», суфизму и восточной мистике.

¹⁰⁵ В этой истории три колдуна спорят о том, кто из них унаследует книгу Абд Аль-Вадуда. Согласно условиям завещания, её получит тот, кто добудет клад Аль-Шамардаль, спрятанный Красным Королём Джиннов.

¹⁰⁶ В числе таковых примером может служить «Краткая биография Абдул Аль-Хазреда» (A Brief Biography of Abdul Alhazred), написанная в 1997 году Лоуренсом Корнфордом по мотивам произведений Лавкрафта, Дерлета, Лина Картера, Роберта Ши, Роберта Уилсона и прочих авторов. Или же заурядный очерк «Жизнь Абдула Аль-Хазреда» неизвестного авторства, вошедший в I том «Прогрессивного сатанизма» Мильхара. А также некоторые компилятивные, пестрящие массой псевдоисторических подтасовок, сомнительные работы последователей нелепых профанаций и спекуляций Кеннета Гранта, которые даже нет смысла упоминать, поскольку они прекрасно знакомы русскоязычному читателю. Вместо этого, следует процитировать Дональда Тайсона, справедливо заметившего: *«На бытовом уровне производством фиктивных «Некрономиконов» движет банальная жадность. Они приносят деньги тем, кто их выдумывает и штампует, иначе бы их не публиковали.»*

Список использованных материалов

Печатные источники:

1. «The Whisperer in Darkness» H.P.Lovecraft, “Wordsworth Editions”, 2007
2. «The Loved Dead» H.P.Lovecraft, “Wordsworth Editions”, 2007
3. «The Horror in the Museum» H.P.Lovecraft, “Wordsworth Editions”, 2010
4. «The Haunter of the Dark» H.P.Lovecraft, “Wordsworth Editions”, 2011
5. «In Lovecraft's Shadow: The Cthulhu Mythos Stories of August Derleth» August Derleth, “Mycroft & Moran”, 1998
6. «Beyond the Wall of Sleep» H.P.Lovecraft, “Arkham House”, 1943
7. «Selected Letters H.P.Lovecraft» August Derleth, Donald Wandrei, “Arkham House”, 1965-1976
8. «H.P.Lovecraft: Letters to Robert Bloch and Others» David E.Schultz, S.T. Joshi, “Hippocampus Press”, New York, 2015
9. «Collected Essays 5 Philosophy; Autobiography and Miscellany» S.T.Joshi, “Hippocampus Press”, New York, 2006
10. «The Watchers Out of Time and Others» August Derleth, “Arkham House”, 1974
11. «Г.Ф.Лавкрафт. История жизни» С.Т.Джоши, пер. М.В.Фазиловой, “Подсолнечник”, Беларусь, 2016
12. «Лавкрафт: биография» Лайон Спрег де Камп, пер.Д.В.Попов, “Амфора”, СПб, 2008
13. «The Necronomicon» Simon, “Avon Books”, 1977
14. «The Necronomicon: The Book of Dead Names» George Hay, Colin Wilson, “Neville Spearman”, Jersey, 1978
15. «Grimoirium Imperium», пер. Алкwiad, “Суд Последней Церкви”, 2005
16. «The R'Lyeh Text» Robert Turner, “Skoob Books”, 1995
17. «Notes on a Fragment of the Necronomicon» William Hamblin, «Call of Cthulhu 4th Edition», “Chaosium”, 1989
18. «Further Notes on The Necronomicon» William Hamblin, «Call of Cthulhu 4th Edition», “Chaosium”, 1989
19. «The Al Azif of the Mad-Poet Abdul Alhazred» Ryan Parker, “Viatorium Press”, Boston, 2010
20. «Necronomicon Files: The Truth Behind Lovecraft's Legend» Daniel Harms, John Wisdom Gonce III, “Red Wheel/Weiser”, Boston, 1998, 2003
21. «Некоторые сведения о Некрономиконе» Райан Паркер, пер. Para Bellum, “Свинец Сатурнианца” № 2, СПб, 2002
22. «Книга мёртвых богов» Вадим Сумин, “Тайная Власть” № 6, 2002
23. «Книга об идолах» Хишам ибн Мухаммад Ал-Калби, пер. В.Полосина, “Наука”, 1984
24. «Исламский энциклопедический словарь» Айдын Али-заде, “Ансар ”, 2007
25. «Жизнь Пророка Мухаммада» Сафи ар-Рахман Аль-Мубаракфури, пер.В.А.Нирша, “Исламская книга”, Москва, 2009
26. «Христианство и ислам» Рудольф Фрилинг, “Энигма”, Москва, 1997
27. «Ислам. Энциклопедический словарь» С.М.Прозоров, “Наука”, Москва, 1991
28. «A Dictionary of Islam» Thomas Patrick Hughes, London, 1895
29. «Психология суфизма» Джавад Нурбахш, “Амрита-Русь”, Москва, 2004
30. «Суфии» Идрис Шах, Роберт Ранке Грейвс, “Локид”, “Миф”, Москва, 1999
31. «Biographical Dictionary. Vol.I» Ibn Khallikān, Paris, 1842
32. «Джинны: миф и реальность» Алмаз Мухамади, “Фаир-пресс”, Москва, 2004
33. «Тысяча и одна ночь. В 8 томах» пер. М.А.Салье, “Государственное издательство художественной литературы”, Москва, 1958

34. «Vathek» William Beckford, “Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co”, London, 1922
35. «Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 34: The myth of the "lost city of the Arabian Sands"» H.Stewart Edgell, London, 2003
36. «Sandstorm» James Rollins, “Harper Collins Publishers”, 2004
37. «Мифы народов мира. Энциклопедия. Второе издание. Том 1, 2» ред. С.А.Токарев, “Советская энциклопедия”, Москва, 1987
38. «Большая советская энциклопедия. Первое издание. Том 21, 43» ред. О.Ю.Шмидт, “Советская энциклопедия”, Москва, 1939
39. «Теософский словарь» Е.П.Блаватская, “Эксмо”, Москва, 2003
40. «Enochian Magic for Beginners» Donald Tyson, “Llewellyn Publications”, 2002
41. «Aleister Crowley’s Illustrated Goetia» Lon Milo DuQuette, “New Falcon Publications”, Tempe, Arizona, 1992/2000

Интернет-ресурсы:

1. По ту сторону сна, URL: <http://lovecraft.ru>
2. Запретная книга, URL: <http://literature.gothic.ru/hpl/mainframe.html>
3. The H.P.Lovecraft Archive, URL: <http://hplovecraft.com>
4. Brown Digital Repository, URL: <https://repository.library.brown.edu>
5. Papers in the Attic, URL: <https://warlockasylum.wordpress.com>
6. NORK, URL: http://www.nork.ru/apocalypse/insanity_above.html
7. Вестник Кадафа, URL: <http://www.nork.ru/kadath/index.html>
8. Online Islamic Library, URL: <http://islambasics.com>
9. Qur'an Transliteration, URL: <http://transliteration.org/quran>
10. Answering Islam, URL: <http://www.answering-islam.org/Responses/Saifullah/sverses.htm>
11. Каталог солнечных затмений, URL: <http://www.secl.ru>

Написано для C.S.S.

Блог автора: <http://www.diary.ru/~Lotermann>

Связь с автором: LatibulumVermis@yandex.ru